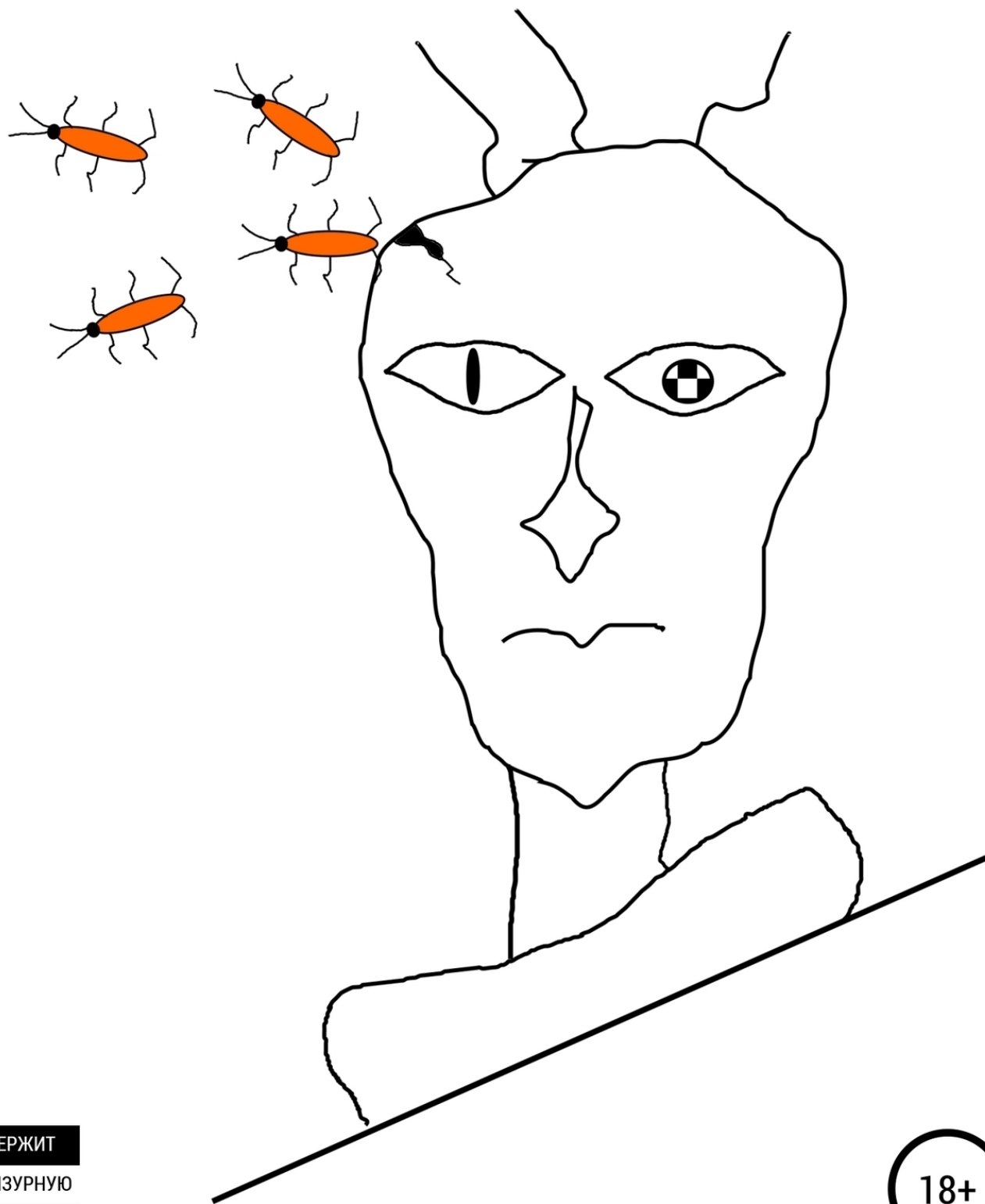

Сергей Бушов

Раннее

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Бушов

Раннее

«ЛитРес: Самиздат»

1993

Бушов С.

Раннее / С. Бушов — «ЛитРес: Самиздат», 1993

В сборник вошли ранние рассказы автора и повесть "Шла машина тёмным лесом". Это первые литературные эксперименты, несовершенные и во многом наивные. Темы, которые их объединяют - поиск смысла в абсурдности мира и места человека в нём. Обложка нарисована автором. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Рассказы	6
Фламинго	6
Царапинка	8
О воспитании детей	10
Анкета	11
Машина	14
Чёрный	16
CNN	18
Таракан	21
День!	24
Клаустрофобия	29
Хвостики	33
Электросказка	38
Шиза	43
Звёздная дурь	47
Дом Дюймовочки	51
Даун	56
Лесной доктор	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Предисловие

В этом сборнике – те вещи, которые я писал в молодости. Я убрал только самые глупые или те, за которые мне стыдно. Даже их выбрасывать было жалко, потому что в них тоже были интересные идеи и смешные места, но при желании вы можете их найти в Интернете. То, что осталось – местами наивно, местами глупо, а где-то и коряво, но мне дорого, хотя сейчас бы я это уже не написал. И я знаю, что многим эти рассказы нравились, поэтому надеюсь, что они могут понравиться и вам. Сейчас я пишу уже совершенно другие тексты, чем-то они, наверно, лучше, но по моим ранним рассказам можно, по крайней мере, понять, что меня волновало в молодости и детстве и как я пришёл к тому, что сейчас.

Рассказы

Фламинго

Жил человек. Весёлый был, добрый. И даже звали его Степан Ованесович.

А над дверью у него висела верёвочка. Те, кто приходил к нему первый раз, за неё дёр-гали. Но дверь не открывалась. А потом спрашивали у хозяина: "Зачем у вас эта верёвочка?" А он говорил: "А просто так". И тот, кто второй раз приходил, уже ничего не дёргал, а просто в звонок звонил.

И цветы у него на окнах были. В горшках, разноцветные, много. И ещё холодильник на кухне стоял. Белый-белый.

Но вот почему-то Степан Ованесович вдруг сел и чай стал пить. Пьёт и смотрит в окно. А за окном – дом, пятиэтажка. А на крыше дома две птицы танцуют.

– Фламинго, – думает Степан Ованесович. – Розовые.

Очень они душевно танцевали. Ему их даже жалко стало – на улице ведь мороз, снег, а тут – поди-ка – фламинго.

– Непорядок, – решил Степан Ованесович. – Что ж хозяин за такой красотой-то не смотрит?

И пошёл выяснять, кто же является, так сказать, владельцем этой красоты.

А на улице шарики летают, самолёты и просто отдельные личности – праздник, наверно.

А на скамейке дед Ахрип сидит. Или Архип, точно не помню. И вздыхает он:

– Вот ведь оно как... Жизнь-то пошла!

Подошёл к нему Степан Ованесович, спросил:

– А вы не знаете, Ахрип Баадурович, чьи это птички?

– Голуби-то?

– Нет, какие голуби... Вот те, розовые, что на крыше танцуют.

– Кхм, – сказал дед Ахрип. – Оно, конечно, любая тварь ничья, кроме как божья, но только сдаётся мне, Степан Ованесович, что птички вам мерещатся. Иллюзия какая-нибудь, а то и вовсе мираж.

– Как же? – удивляется Степан Ованесович. – Разве же вы не видите – две красивейших штучки с четырьмя в общей сложности ножками, розовенькие такие.

– Нет, – отвечает дед Ахрип, а сам тем временем валенок вяжет. – Ничего я там не вижу. Токмо снег.

– Да что ж это? – не понимает Степан Ованесович и уж по сторонам поддержки ищет.

И видит – сидит на антенне телевизионной Руфина Айвазовна и жарит арбуз.

– Руфина Айвазовна! – крикнул Степан Ованесович. – Вы там совсем поблизости. Не видите ли вы около себя какой живой материи?

Руфина Айвазовна в бинокль туда-сюда зыркнула и отрапортовала:

– Никак нет, гражданин подследственный. В радиусе двух гектолитров никаких биологических объектов, кроме человеческой цивилизации, не наблюдается.

Степан Ованесович уж и себе не верит. За руку ушибнул, глаза протёр – все равно танцуют проклятые птицы. И ведь здорово танцуют! Никакой Эйнштейн так бы не станцевал.

– Да я же их вижу! – крикнул он. – Граждане! Ну разве ж их нету? Вон, вон они – в натуральности!

Вышли из-за угла граждане. Посовещались.

– Незаметно что-то, – говорят. – Видимо, нет там никого. А вы бы, товарищ тоже гражданин, пошли бы вздремнуть годик-другой.

– Эх вы, – сказал Степан Ованесович, – такие розовенькие...

И спать пошёл.

А утром его человек разбудил с книжечкой.

– Вы, – говорит, – видели двух розовых птичек?

– Видел, – говорит Степан Ованесович. – И сейчас вижу – вон они, на пятиэтажке.

– Танцуют, стало быть?

– Танцуют.

– А я почему не вижу?

Степан Ованесович плечами пожал: не знаю, мол. Феномен тут какой-то.

А человек-то с книжечкой лыбится и вопрос коварный задаёт:

– А что это у вас там за верёвочка на двери?

– А просто так.

– А-а, понятно, – говорит человек с книжечкой и в книжечку "птичку" ставит.

Короче, увезли Степана Ованесовича на всестороннее психическое обследование. И новых жильцов в его квартиру вселили.

А самочка фламинго сказала своему кавалеру:

– Большое мерси за приятное времяпрепровождение, только у меня что-то в груди шкворчит, и вообще, я сегодня не в форме. Не проводите ли вы меня к месту моего проживания? И фламинго-самец обнял её крылышками и по лестнице вниз повёл, во двор. Зашли они в гардероб, он ей пальто помог надеть и фуражку. А потом они на автобус пошли.

А дед Ахрип съел стакан семечек и тоже домой пошёл. В недовязанном валенке.

Вот ведь оно как бывает-то. Жизнь-то пошла, э-эх! А фламингочку молоденькую, между прочим, в больницу положили с воспалением лёгких. Так что, граждане, со здоровьем не шутят. И пёрышки чистить надо очень даже регулярно. И на морозе от танцев босиком воздерживаться.

Царапинка

Гжеш всегда был маленьким, хлипким и жалким. Но что он до такого докатится – этого никто не ожидал.

Как-то раз, открывая банку с кильками в томате, он умудрился палец порезать. Даже нет, не порезал, а поцарапал чуть-чуть. Но кровь выступила. Он взглянул на неё, охнул и в обморок упал.

Ну, привели мы его в чувство, палец пластырем заклеили, а он всё что-то хнычет и трясётся.

– Ты что? – спрашиваем. – Больной?

– Да, – говорит, – там у меня ранка... На пальце... Я не могу, когда течёт...

В общем, тряпка, а не человек. Да и устройство тела у него было наинейшее. Только тронешь – и уж кровь сочится. Причём не красная, а какая-то желтоватая, прозрачная – как шампунь, что ли.

А после этого случая совсем плохо стало. Чуть его кто заденет, обзовёт как-нибудь, поздороваться с ним забудет – у него сразу ранка на пальце снова раскрывалась, и это его желе омерзительное текло.

В автобусе он ездить не мог.

– Люди, – говорит, – там грубые. Да и толкаются – кожу могут порвать.

И если уж действительно рвали, то беспокойства было уйма. Брызжет из него фонтаном, не остановишь. Да ещё и хныкать начнёт.

Плакал он вообще много. Ни с того, ни с сего сядет на кровать и станет ныть:

– Ну почему я такой урод?

– А кто тебя знает, – говорим ему. – Уж такой ублюдок уродился.

А он ещё сильнее ревет. И царапинка опять кровоточить начинает.

В общем, такая жизнь нам всем надоела. Думали мы долго, как нам с ним быть. В конце концов, нашёлся умелец. Сказал:

– А я ему латы сделаю. Как у рыцарей. Будет ходить в такой железной одежде – и никто ему кожу не разорвёт.

И действительно, сковал латы. Гжеш, правда, сопротивлялся – но что он, такой хлипкий, может? Замуровали мы его в броню, все гайки закрутили, чтобы не снял, и сказали:

– Вот так-то. И чтоб больше не ныл.

И Гжеш вскоре перевоспитался. Даже голос у него изменился – низкий стал, гулкий, как из железной трубы.

А как смеяться начнёт – так по всей округе слышно:

– Га-га-га!

Это он смеялся так. Он вообще теперь никогда не плакал. Только ржал, как лошадь. И неуклюжим стал немного. В автобус пока залезет, половине народа носы расквасит своими железными локтями. В общем, нормальный оказался парень.

А когда один раз мы заметили, что из панциря у него кровь сочится, он только и сказал:

– А плевать. Га-га-га!

Классный он мужик, Гжеш. И сдачи мог дать, и просто так, ни за что, по морде. И банки с кильками на закуску открывал голыми руками.

И ещё помню – храпел он сильно. Как трактор. Я ночью даже хотел нос ему зажать, чтобы не храпел. Подкрался тихо. Шлем отвинтил. Щупаю – нет носа. И головы никакой нет. И вообще – нет ничего внутри лат.

Я быстренько шлем на место вернул, а Гжеш уж, оказывается, не спит.

– А где, – спрашиваю, – то, что внутри?

Он вначале не понял.

– А, – потом говорит, – эта размазня... Вытекла. Видишь, лужа на полу? Га-га-га!

И встал. И по коридору куда-то пошёл. Бом-бом-бом – железными сапогами. Его за версту было слышно. Все его теперь знали и за честь считали руку пожать. Издали орал:

– Привет, Гжеш! Придёшь в преф играть?

– Га-га-га! Я вас всех обчищу сегодня.

И обчищал. Гжеш всё умел. И в карты играл, как Бог.

О воспитании детей

Медленно, спокойно

здравствуйте дорогие товарищи в последнее время пошла мода называть людей господами так что пожалуйста кто хочет так могу и так итак сегодня я хотел рассказать вам о детях потише пожалуйста могу и не рассказывать мне иногда говорят что я очень непоследовательно излагаю материал возможно в этом есть доля правды но учитывайте что тема очень обширна и трудно за полтора часа сказать что-нибудь вразумительное поэтому сегодня я написал себе планчик и буду идти по пунктам и первым пунктом у меня записана каша согласно старым представлениям о воспитании детей кстати мне не очень нравится слово дети поскольку в единственном числе вроде ребёнок и не звучит логичнее было бы ребёнки или ещё как-нибудь ну впрочем могу и дети это как желаете манной кашей питали детей всегда но так ли это хорошо помните же наверняка из детства какая это гадость и сейчас многие учёные считают что манная каша способствует иссушению мозгов выпадению волос и вываливанию зубов кроме того густой манной кашей можно подавиться а горячей обжечься а холодная манная каша настолько отвратительна что может вызвать травму нежной детской психики вот к примеру известный детский собаковод павлов звенел в колокольчик чтобы покормить собаку а если бы он экспериментировал с человеческими детёнышами то вряд ли бы они к нему приползли если конечно они не умеют ползать а если кто и приползёт так если на него опрокинуть тарелку горячей манной каши так сами понимаете больше никакой охоты так мы плавно перешли и ко второму пункту в моём планчике о том как назвать ребёнка там так и написано как назвать ребёнка и это вопрос непростой вот сейчас модно называть по-русски это возможный вариант но тоже нужна осмотрительность вот скажем джон на русский лад будет ваня и сразу у ребёнка возникают ассоциации с детскими сказками если иван-царевич то он может у вас вырасти развратным ленивым и с неоправданным чувством удовлетворения а если иванушка-дурачок то и вовсе одна дорога сами понимаете куда поскольку начнутся депрессии по поводу некрасивых таких ассоциаций и сказки конечно можно не рассказывать но ведь ребёнок может увидеть сказку по радио или ещё откуда-нибудь и окончательно сломать голову кроме того представьте что его назовут вонюшей и сразу возникают параноидальные переживания по поводу собственного запаха я это знаю из жизненного опыта сам иван сергеевич так что я думаю всё ясно и можно к третьему пункту переходить третий пункт называется воспитание детей так что достаньте ручку и бумажку те у кого ещё могут быть дети воспитание ребёнка значит формирование его характера вот скажем станет он у вас известным футболистом и что вам потом с ним делать когда вы сами пару слов в футболе сказать не можете или к примеру некоторые из вас спят если я у них вопрос спрошу они могут и не ответить но это не означает их характера а просто они устали на работе и значит воспитали их правильно а те из вас кто сидит и посмеивается скорее всего просто весёлые люди и на работе они не устают в силу своей выносливости а всё потому что не надо ребёнку в детстве показывать слишком много мячиков а то того и гляди он и вообще не сможет в этом зале оказаться мне вот как-то говорили что так читать лекции как я все могут только надо написать какую-то чушь без точек и запятых и читать монотонным голосом это неправда я вчера вместо лекции начал читать вслух басни крылова и реакция была та же впрочем я вижу некоторые из вас не слушают да и я тоже тороплюсь так что кому это интересно я закончил до свидания

3.03.98

Анкета

Она грозно посмотрела на меня сквозь очки:

– Пришли? Ну проходите.

Это надо было понимать как приказ, и я прошёл.

– Вы кто?

– Человек.

Она что-то записала в анкету.

– Возраст?

– Непреклонный.

– Пол?

Я нагнулся и поскрёб по полу ногтем, счищая краску.

– Не знаю... Деревянный, наверно. Вам лучше знать.

Она насторожённо подняла взгляд, потом хмыкнула и снова опустила.

– Год рождения?

– Весёленький был год... Многое тогда случилось...

– Родители?

– Мужчина и женщина.

– Место жительства?

– Населённый пункт.

Она опять оторвалась от листа и впервые улыбнулась:

– А вы уверены, что пункт населённый?

– Ну, хоть один-то человек его населяет.

Она сняла очки и устало положила их на стол:

– Знаете, я не настроена шутить. Мне почему-то не нравятся ваши ответы. Это серьёзная организация...

– Я догадался.

– Тогда зачем вы издеваетесь?

– Я?

– Ну хорошо. Давайте начнём сначала. Имя?

– Бушов.

– Отчество?

– Сергей.

– Фамилия?

– Александрович.

– Год рождения?

– Семь тысяч шестьдесят второй.

– ?

– От сотворения мира.

– А в нормальном летоисчислении?

– А нормальное – это какое?

– Ну, есть же какие-то стандарты...

– Вы имеете в виду Интернациональную систему единиц? Но в секундах я слишком старым...

Она тяжело вздохнула.

– Вы ведёте себя так, будто это нам от вас что-то нужно.

– Разве нет?

- Но это вы сюда пришли.
- Пришёл.
- Это серьёзная организация...
- Вы уже об этом говорили.
- Она отодвинула в сторону анкету.
- Если вам здесь ничего не нужно, почему вы здесь оказались?
- Я шёл мимо, заглянул в окно и... мне понравилось.
- Что именно?
- Многое. Вы, например.
- И что же дальше?
- Дальше? Я зашёл.
- А потом?
- А потом – прошёл.
- Ну, а потом-то?
- А потом вы стали задавать вопросы.
- С вами невозможно разговаривать!
- Но вы разговариваете со мной уже пять минут.
- Ладно... А как вы представляете себе дальнейшее развитие событий?
- Плохо.
- Что – плохо?
- Плохо представляю. Вы уж лучше приказывайте. У вас это здорово выходит.
- А если я прикажу вам уйти?
- Тогда я... постараюсь подчиниться.
- А если я позову охрану?
- Наверно, они вытолкают меня за дверь.
- Она улыбнулась:
- А вы сами-то чего хотите?
- Хочу, чтобы не выталкивали.
- Но у меня рабочий день.
- А что вы должны делать?
- Задавать вопросы. Вы это уже на себе испытали.
- Я буду работать за вас. Давайте поменяемся местами.

Она соглашается. Раньше она была по ту сторону стола, а я – по эту. Теперь я – по эту, а она – по ту.

- Вы кто? – спрашиваю я.
- Человек, – отвечает она.
- Возраст?
- Непреклонный.
- Пол?
- Деревянный.
- Год рождения?
- Постойте, – вдруг говорит она. – Не надо...
- Чего не надо?
- Не надо больше вопросов. Я, кажется, понимаю...
- У меня ощущение, что у нас с вами вообще много общего. И если бы я спросил вас о месте жительства...
- ... я бы ответила, что живу в населённом пункте.
- Разве это может быть простым совпадением?
- Думаю, что нет.

- Тогда едем дальше. Семейное положение?
- Замужем.
- Замужем? А перед-мужем?
- А перед мужем не замужем.
- Замечательно. Но мне не очень нравятся ваши ответы. Это ведь серьёзная организация.
- Мне кажется, я уже где-то это слышала.
- Зачем вы вообще сюда пришли?
- Я просто шла мимо и заглянула в окно.
- Да что вы говорите! Неужели я вам понравился?
- Она пожимает плечами.
- Но вы же почему-то зашли?
- Почему-то зашла.
- И прошли?
- Прошла.
- И ответили на мои вопросы?
- Да.
- А как вы представляете дальнейшее развитие событий?
- Я даже не знаю... У вас ведь рабочий день.
- Я сбрасываю листы анкеты со стола.
- А чёрт с ним, с рабочим днём. На улице такая прекрасная погода.
- Я встаю, открываю дверь, и мы выходим на улицу. Хотя дальнейшего развития событий совершенно не представляем.

Машина

"В ответ на заявление товарища Чернобурко о непереводаемости фольклорно-художественных единиц эксперт по лингвистике товарищ Мырин привёл прекрасный контрдовод: он на глазах у всех делегатов конференции перевёл на английский язык столь знакомую всем нам ещё с детства считалку:

Шла машина тёмным лесом

За каким-то интересом.

Инте-инте-интерес

Выбирай на букву "с".

Его перевод, вполне сохраняющий смысл оригинала и живость языка, звучал так:

A vehicle was crossing the twilight forest

And looking for Something amusing in it:

Something, Something, Something, Something,

Something beginning with the letter S.

Выступление товарища Мырина получило всеобщую поддержку и одобрение. Данный перевод занял подобающее место в материалах конференции".

"Вестник лингвофольклористики", 4, 1981.

"По всей видимости, мы не можем сомневаться во мнении столь авторитетного учёного, как академик Звалынский. Найденный им в архивах института стихотворный отрывок на английском языке действительно стоит считать принадлежащим перу самого Байрона. В переводе академика Звалынского обнаруженный шедевр звучит так:

Повозка сквозь сумрачный лес проезжала,

Искала Хоть что-то забавное в нем.

Хоть что-то, Хоть что-то, Хоть что-то, Хоть что-то,

Хоть что-то забавное на букву "ха".

Это стихотворение войдёт в новое полное собрание сочинений Дж. Байрона, которое готовится к выпуску в этом году в издательстве

"Московский рабочий".

"Литературные вопросы и загадки", 5, 1982.

"Сотрудники Московского института англоязычных источников приняли своевременное решение опубликовать на языке туманного Альбиона целый ряд стихотворений и поэм, вошедших в золотой фонд русской литературы. Так, к примеру, туда включено знаменитое четверостишие, которое, по несправедливому предположению ныне покойного акад. Звалынского длительное время приписывалось Джорджу Гордону Байрону, тогда как на самом деле, по мнению многих видных литературоведов, оно написано на русском языке и принадлежит перу нашего соотечественника К.Н. Батюшкова.

Это нерифмованное, пронизанное философским звучанием произведение будет с восхищением читаться во всём мире, говорящем по-английски, но испытывающем неослабевающий интерес к русской культуре.

Слушайте, как величавы и прекрасны эти строки:

There was a cab in cruel darkness.

It was thinking: "Where is the fun?

Here or there? There or here?

How can I find my forgotten "Ha-ha"?"

"Русский слог", 5, 1985.

"Стихотворение

«Ехал кэбмен в темноте,
Думал: "Где лежит веселье?
Может, кто-то там иль тут
Отыскал мой прежний смех?»»,

которое использовано автором в качестве эпиграфа и подписано "Стихи неизвестного поэта о Лондоне", является, очевидно, вольным переводом знаменитого лимерика

There was a young man in the cab
Whose brain was too easy to trap
и т.д."

"Рецензент", 7, 1990.

...

– Включите динамик дальней связи, командир. Что-то интересное передают.

Да, это был он – гимн человеческой цивилизации, слово которой всегда служило символом твёрдости и незыблемости в веках, ясности и доходчивости, что подтверждено в многочисленных пословицах и поговорках: "Слово – не стрекоза, вылетит – не убьёшь", "Красна изба СВЧ-печами, а человек словами", "Что написано над двором – это не просто удар топором" и других.

Да, это была она – частичка глубинной народной мудрости, сохранившая свою первозданность в многочисленных переводах на языки земные и внеземные, а также обратно.

И командир вместе с оператором дальней связи слышали те самые, такие привычные, донёсшие до нас сокровенный смысл жизни всего человечества, слова:

Зен де Зен, гроза морей,
На своих воздушных крыльях
Прячет в соснах меж ветвей
Не веселье и не негу,
Не машину, не телегу,
А ловушку для людей.

Чёрный

Как-то вечером мы с женой сидели дома и смотрели телевизор. То есть я читал газету, жена вязала, а телевизор что-то показывал, надеясь на то, что мы на мгновение оторвёмся от своих занятий и обратим на него внимание.

Из-за монотонного бормотания диктора я никак не мог сосредоточиться на том, что читаю, и тихо вскипал.

Вдруг мне показалось, что кто-то в прихожей не то скребётся, не то топает. Я прислушался и понял, что это ключ проворачивается в замке.

"Странно, – подумал я, – кто это может быть?"

В прихожую зашёл маленький чумазый человечек в шляпе и с табуреткой в руках.

– Большое спасибо за табуретку, – прошепелявил он и вышел, оставив табуретку возле трюмо.

Я отложил газету и вопросительно посмотрел на жену. Она не обратила на это внимания, продолжая мельтешить своими спицами.

– Что это было? – спросил я.

– Гром, наверно, – ответила жена.

– Я не об этом. Ты видела этого человека?

– Какого?

– Тебе не удастся мне запудрить мозги! – вскричал я. – Только что кто-то открыл нашу дверь и принёс табуретку.

– Ну и что? – не поняла жена. – Лишняя табуретка в хозяйстве не помешает.

– Но я никому не давал ключа! – возмутился я.

– Может, ты его потерял? – предположила жена.

– Я его не терял, – уверенно ответил я. – Но, может быть, ты объяснишь, зачем ты дала этому проходимцу наши ключи?

– Я никому ничего не давала, – ответила жена. – Может, тебе вообще всё померещилось.

– Да?! – вскочил я с кресла. – А это? – я постучал кулаком по табуретке.

– Кажется, кто-то стучит, – заметила жена. – Открой дверь.

Однако дверь открылась сама. Появившийся из-за неё чёрный человечек схватил табуретку и сказал:

– Извините. Это, кажется, не для вас.

А потом проворно скрылся за дверью.

– Ну вот видишь, – сказала жена. – Он ошибся квартирой.

– Да, действительно, – согласился я. – Но как он сейчас вошёл?

– Ну, наверно, когда прошлый раз приходил, забыл дверь запереть, – объяснила жена.

– Может быть, – я снова сел в кресло и развернул газету.

Начиналась программа "Вести".

* * *

Однажды утром кто-то позвонил в дверь. Я открыл и увидел на пороге чёрного человечка.

– Извините, – заговорил он. – Для сего у вас на ушах банановые скурки?

Я потрогал свои уши и ответил, что у меня на ушах нет никаких банановых шкурок.

– Ну холосо, – поправился он. – А если бы у вас на ушах были банановые скурки, то как бы вы смогли объяснить, засем вы их туда повесили?

– Я не ношу на ушах банановых шкурок, – разозлился я и хотел захлопнуть дверь, но человечек придержал её рукой:

– А если бы вы их носили, то засем?

– Не знаю, – ответил я, – наверно, чтобы кого-нибудь рассмешить.

Чёрный человечек громко захохотал и, сказав: "Большое спасибо", запрыгал по лестнице вниз.

– Странно, – подумал я и на всякий случай снял с ушей банановые шкурки.

* * *

За стеклом маячил маленький чёрный силуэт в примятой шляпе. Я открыл окно и впустил человечка в комнату.

– Замёлз, пока дождался! – обиженно проворчал он. – Одиннадцатый этаж – пока к вам добейёшься...

– М-да, – сказал я, – а вы по какому вопросу?

Человечек стряхнул на диван прилипшие к шляпе комочки грязи и вытер нос рукавом:

– Я хочу поздравить вас с Международным женским днём 8 марта и преподнести вот этот скромный подарок, – он протянул мне зубную щётку.

Я поблагодарил и даже не заметил, как мой гость куда-то исчез.

"Какое 8 марта? – подумал я. – Сейчас же сентябрь".

Однако щётка пришлась как раз кстати. Я прошёл в ванную и выдавил на щётку колбаску зубной пасты.

"Да ведь это расчёска!" – вдруг понял я и начал расчёсывать волосы, размазывая пасту по лысине.

– Что-то здесь не так, – подумал я и решил выйти на улицу.

Ко мне подбежал кто-то маленький и чумазый, попросив две копейки. Я отсчитал несколько монеток, высыпал ему в ладонь и пошёл дальше. Человечек торжественно зашагал рядом со мной, одну за другой глотая монетки.

– Послушайте, – сообразил я, – а я вас где-то видел.

– Вы очень наблюдательны, – подтвердил чёрный.

– Кстати, – я остановился, – а куда я иду?

– А вам это важно? – спросил человечек.

– Ну, должен же я это знать.

– Вы правда так считаете? – вздохнул он. – Тогда прощайте.

И он спрыгнул в канализационный люк.

Я почувствовал на своей голове зубную пасту и начал что-то понимать.

– Эй, Владимир Григорьевич! – крикнули мне с ближайшего балкона. – Что это с вами?

– А что? – не понял я.

– Какой-то вы сегодня чёрный, – ответила мне с балкона моя сослуживица.

– Ну, это бывает, – отозвался я, разжёвывая железный рубль, – а почему у вас на ушах банановые шкурки?

– И вы тоже... – вздохнула она. Её обхватили со всех сторон десятки маленьких, заляпанных чернилами рук и утащили с балкона.

А я вернулся в подъезд, поднялся на лифте и позвонил в дверь своей квартиры – авось этот обормот-хозяин когда-нибудь откроет.

CNN

*При работе над рассказом использован
интеллектуальный потенциал В. К. Ясония*

*Так бессветно, почти черно
Было в дымном подземельном ущелье,
Что не видно и не внятно Астольду,
Кто над ним проносится в вышине.
Л. Ариосто. "Неистовый Роланд"*

– Тоже мне Це-Нэ-Нэ, – говорит Константин. – Вот крутят по ящику что попало, а потом удивляются, что дети – дебилы.

– По-моему, не только дети, – замечает Агафья Феокистовна.

"При всём богатстве выбора вокруг одни ёжики", – подтверждает телевизор.

– Ты куда? – спрашивает Агафья Феокистовна.

– В институт, – отвечает Константин.

– Так сегодня же воскресенье.

– А я в счёт отпуска.

– А-а. Ну-ну.

Константин поспешно закрывает за собой дверь и, втыкая в уши наушники радиоприёмника, бежит вниз по лестнице.

"Над Москвой проплыли тучки", – сообщает Гидрометцентр. Константин задумывается и налетает на даму.

– Поосторожнее, придурок, – замечает дама и кутается в джинсовый мех. Константин мямлит что-то и, бледнея, забирается в троллейбус.

– Троллейбус дальше не идёт, – объявляет динамик. И толпа, вылезая, придавливает замешкавшегося Константина к поручню.

– Ну почему я такой дурак? – бормочет Константин.

Но его окружает непробиваемое и безжалостное молчание.

...

Он сидел на скамейке и жевал гнилое яблоко, которое на этой же скамейке и нашёл. Мимо ходили люди. Преимущественно девушки, которых Константин всей душой ненавидел. Тоска... Он вспомнил о радио и вытащил наушники из ушей.

– Простите, – сказали ему, – вы не знаете, где здесь туалет?

Это была девушка.

– Нашли у кого спросить, – обиделся Константин.

– Мне пописать, – объяснила девушка.

Константин покраснел и сжался в комок.

– Может, я чего не понимаю, – сказал он. – Но вам ведь нужен женский туалет?

– Да это неважно.

– Познакомиться хочет, – догадался Константин и бросился наутёк.

Девушка всхлипнула и отправилась в кусты.

Константин же бежал по крайней левой полосе, стараясь не пересекать разделительных линий и не создавать помех прочим участникам движения.

Становилось темновато. Он включил фары. Стало совсем темно. Он воспользовался прибором ночного видения. Остался позади город. Пригород. Россия. Земля. Вселенная.

А он всё бежал и бежал.

...

Навстречу, рассекая килем асфальт, медленно плыл моторный катер. Он причалил к измученному долгой дорогой Константину, который лежал на обочине. Из окна высунулся бородатый худощавый человечек и спросил:

– Вы кто?

– Я? – удивился Константин. – Я самый быстрый в мире автомобиль. А вы?

– А я – первый встречный. Садись ко мне в лодку. Хочешь – в рай отвезу, хочешь – в ад.

– Хочу, – сказал Константин.

И они поплыли.

...

Впереди, в окружении розовых порхающих ангелочков, возвышалась тень огромного дву-главого чудища.

– Цербер, – пояснил Встречный. – Не бойся. Он не кусается.

Цербер усиленно нюхал воздух, но действительно пока не кусался. Небо было абсолютно чёрным, без звёзд. Катер проплывал между половинками разведённых мостов, под натянутыми на всякий случай цепями.

В конце длинного канала виднелся чёрный обугленный сарай.

– Приплыли, – сказал Встречный.

...

Лодка причаливает к берегу. Из сарая выходит Смерть в кокошнике, украшенном жемчугами, телогрейке, колготках и с парой золотых зубов во рту. В руке она держит серп.

Из-за угла сарая появляется Гефест в аналогичном наряде, но с молотом в руках.

– А я памятник вам видел, – говорит Константин. – В Москве.

– То-то же, – замечает Гефест. – При жизни кому попало не ставят.

– Ты не очень-то о жизни, – ворчит Смерть. – Я тебя быстро моим серпом.

– А я тебя моим молоточиком.

Кто-то кладёт Константину голову на плечо. Это Цербер.

– Зачем ты здесь? – спрашивает он. – Сюда приходят по доброй воле либо дураки, либо несчастные люди.

– Я несчастный дурак, – говорит Константин. – А воли у меня вообще никакой нет – ни злой, ни доброй.

– Все лучшие люди здесь, – говорит Цербер. – Потому что все они несчастны, если не дураки.

– А я лучший? – спросил Константин.

– Нет, – ответил Цербер. – Ты – №%!@#%&*()_. Понял?

...

Константин понял. Он купил "Сникерс" и съел. Потом ещё "Сникерс" и опять съел. А потом у него деньги кончились, и он прыгнул в Москву-реку, чтобы плыть по течению. И камень на шею привязал.

"А может, она и правда хотела пописать?" – вспомнил Константин о девушке. И решил сразу две вещи:

1. Перестать тонуть.

2. Найти ту девушку и ей помочь.

Но ничего не вышло. Константин утонул.

Так и закончилась эта грустная история. Зато началась другая.

Девушка (а её звали Инна) решила подарить самой себе букет цветов, но так как дарить предполагалось человеку странноватому и довольно капризному (а её звали Инна), то она (то

есть Инна) никак не могла выбрать конкретный размер, состав и цвет букета. Наконец она купила одну гвоздику. Подарила.

Сказала себе: "Спасибо". Понюхала. Выбросила в урну. И ей стало тоскливо-тоскливо. "Она меня не любит", – подумала Инна. – "Подарила один вшивенький цветочек. Ну вот и всё. Я даже сама себе не нужна".

И Инна сняла с себя туфли и тоже выбросила их в урну. А потом пошла по Ленинскому проспекту в сторону увеличения номеров домов. Но номера почему-то уменьшались. И в конце концов она дошла до -273 градусов Цельсия.

Рядом протекала река. Что наводило на грустные мысли.

Кто из нас в молодости не любил, надев белую сорочку и крылышки, ходить по кладбищу и успокаивать разбушевавшихся мертвецов!

Эх, молодо-зелено... Сколько воды утекло с тех пор... Сколько рыбы подохло...

На берегу реки сидел человек с удочкой и был, видимо, уверен, что ловит рыбу. Инна, с трудом сгибая деревенеющие ноги, направилась к нему.

Человек так самозабвенно глядел вдаль, на тот берег, что ей подумалось: "Наверно, его зовут Константином".

– Ненавижу, – тихо прошептала она.

Константин обернулся. Увидел Инну. И громко закричал. Его крику вторил залиvistый лай правой головы Цербера...

...

Где-то в соседней комнате Агафья Феоктистовна постучала в стенку:

– Потихе ты, там. Соседей разбудишь.

Костя пытался разобрать время на своих часах, но было слишком темно. Он дрожащими руками отвязал с шеи камень и перевернулся на другой бок. Теперь ему снились больные овечки, рваные платья и увядшие гладиолусы.

А на другом конце города Инна всерьёз думала о пластической операции. И о том, как бы избавиться от трупного запаха. И от холода, который пробирался в неё сквозь саван. И роптала.

Таракан

Замучили меня тараканы. Я живу на первом этаже пятиэтажки. Все соседи – алкаши или старики полуголодные. Тараканов никто не морит.

Они все сбегаются ко мне, поскольку у меня ещё достаточно много денег, и часто бывает какая-то еда.

Ночью, когда встаёшь в туалет, при каждом шаге под тапочками что-то хрустит. Днём поспокойнее – все тараканы просто сидят на стенах и смотрят на меня, ожидая, когда я достану хлеб и можно будет подбежать за крошками.

Сначала я пытался бороться с ними примитивными методами – при помощи тех же тапочек. Однако вскоре понял, что таким образом произвожу искусственный отбор, убивая самых медленных и вялых. Заметил я это тогда, когда при моих очередных попытках убить таракана они стали проявлять акробатические способности. Ты его тапочком – а он уже на шкаф запрыгнул.

Мне это надоело. Я отправился на рынок купить какую-нибудь отраву. Купил для начала аэрозоль ядовитого оранжево-зелёного цвета, весь покрытый надписями типа "Киллер", "Уничтожитель" и "Жуткая гадость".

Побрызгал везде. Сел и стал ждать. Тараканы никакого внимания обработанным участкам стен и потолка не оказали, продолжая спокойненько по ним бегать.

Тогда я налил маленькую лужицу средства в блюдечко и, поймав какого-то замешкавшегося таракана, бросил его туда. Маленький морячок героически выплыл на край блюдца, отряхнулся и начал из него пить. Я некоторое время подождал, сохраняя слабую надежду, что средство действует какое-то время, но таракан, напившись до громких бульков в животе, весело поплёлся обратно на стену, к собратьям.

Я оглядел обои, покрытые странным узором из рыжих усатых пятнышек, и понял, что проблему недооценил. Отправившись снова на рынок, я купил 24 ловушки, которые по замыслу создателей должны были заражать тараканов болезнями и обеспечивать им быстрый, но мучительный конец. Расставив ловушки во всех углах квартиры, я обрадованно заметил, что тараканы ими заинтересовались – забегали внутрь, обнюхивали и выбегали. Через некоторое время стал проявляться некоторый положительный эффект – тараканы, ползающие вокруг меня, все сплошь стали инвалидами – у кого крылышко не так торчит, за кем нога волочится... Некоторые падали, обессиленные, с потолка прямо мне в тарелку с супом.

Так продолжалось несколько дней. Потом, видимо, подросло новое поколение тараканов, устойчивое ко всем возможным болезням. Сначала мне показалось, правда, что тараканов на стенах поубавилось. Потом я заметил, что некоторая их часть просто переселилась в уютные ловушки, где свет, видимо, не так бил в глаза и чувствовать себя можно было безопаснее.

Я решил посоветоваться с людьми. Зашёл в гости к старому знакомому, описал проблему. Тот, раздавив у себя на шее таракана, заявил, что раньше тоже они у него были, но он их извёл с помощью каких-то импортных средств.

– А вообще, – сказал он, – ты неправильно живёшь. Нельзя всё время покупать на рынке непонятно что. Пользуйся только фирменными, дорогими вещами – это надёжнее. Вот видишь – я музыкальный центр купил, "Панасоник", за пятьдесят баксов. Зато чуешь какой звук?

Я не стал с ним спорить, хотя звук был отвратительный – сплошное шипение и рокот электромотора. И потом, мне показалось странным, что музыкальный центр с кучей дополнительных функций типа эквалайзера, автореверса и "Долби Сарраунд" можно купить за 50 долларов. Да и буква "икс" в конце слова "Панасоник" смотрелась как-то странно...

Но, согласившись с самой идеей, что хорошая вещь дешёвой не бывает, я отправился в Москву и нашёл самый дорогой магазин, где торговали импортной бытовой химией. Вокруг гуляли длинноногие волосатые девушки в униформе, и во всех предметах были щели, куда пихать разные кредитные карточки.

Я обратился к одной из девушек с просьбой подобрать мне хорошее средство от тараканов. Она, не задумываясь, показала мне баллончик за 100 долларов, причём курс доллара у них был тоже какой-то дикий.

Я спросил, разглядывая баллончик, чем хорошо это средство и почему на нём инструкция написана по-китайски.

– Сделано для Китая в Штатах, – сказала девушка. – Но мы прилагаем инструкцию на русском языке.

Она достала бумажку и прочитала, что это средство безвредно для детей и домашних животных, имеет приятный запах, не разрушает озоновый слой атмосферы, поскольку не содержит фреонов, не вызывает аллергии и даже не содержит холестерина, чтобы не оказывать вредного воздействия на организм при случайном попадании в рот.

– Хм, – сказал я. – А тараканов-то оно убивает?

Девушка изучила инструкцию и сообщила, что об этом там ничего не написано.

– Наверно, должно действовать, – сказала она. – Иначе за что бы такие деньги платить?

Я, скрепя сердце, заплатил 100 баксов и принёс баллончик домой.

Побрызгав в разные углы, я был поражён цветочным благоуханием, распространившимся по квартире. Тараканы тоже высунули носы из ловушек и оживились. Заподозрив неладное, я вооружился китайско-русским словарём и стал изучать исходный вариант инструкции. После полуторачасовых мучений с иероглифами я понял, что это освежитель воздуха, произведённый в Китае по лицензии Турции.

На некоторое время это повергло меня в отчаяние, и я смирился с тараканами. Мы сидели за одним столом и ели одну пищу. Мы делили постель и вместе ходили попить водички по ночам. Тараканы росли в размерах и укрепляли своё здоровье.

Однако как-то утром я споткнулся о довольно крупную особь таракана, разбил нос и пришёл в бешенство.

Я вновь отправился на рынок, скупая все подряд. Наибольшую надежду во мне породило скромненькое порошкообразное средство в пакетике, на котором было указано, что оно обладает двойным действием, воздействуя на пищеварительную и нервную системы таракана, и таким образом гарантирует быстрое их вымирание.

Я залил всю квартиру жидкостями, засыпал всё порошком, обрисовал все стены антитараканьими карандашами. После этого мне стало плохо от вони, и я пару дней провёл в наркотическом опьянении, перемежаемом полными отключками и ломкой.

Наконец я пришёл в себя. Возле меня стояло несколько крупных тараканов.

Один из них, в кепке – видимо, главный – произнёс хриплым голосом:

– У тебя это... выпить есть?

– Нет, – ответил я.

– Может, сбегает? Выпьем, поболтаем...

Я послушно поплёлся в магазин. Купил бутылку кристалловской "Гжелки". Налил тараканам в блюдце, а себе в стакан. Выпили. Стали разговаривать о жизни.

– Нет, – говорил главный таракан, Юрик, – сейчас, после кризиса, совсем плохо стало. Бакс растёт, старушки все крошки подбирают. Вон, видишь, как живот подвело? У тебя, конечно, все получше. Но будет бакс 100 рублей штука, и у тебя, наверно, с деньгами будут кранты – придётся нам и отсюда двигать...

– Да ладно, – сказал я, уже прилично охмелев. – Живите пока. Всё вместе как-то легче. А откуда вы про кризис знаете? Тараканы же вроде так подолгу не живут.

– Э, темнота, – сказал Юрик. – У нас же, тараканов, массовое сознание. Мы думаем сообща. Знания передаются от одного к другому. Если я начинаю думать о чём-то, другие додумывают.

– Классно, – сказал я. – Жалко, что у нас не так. Сразу бы все подумали вместе – и вышли из кризиса.

– Согласен, – сказал Юрик. – Только когда одному плохо, то и другим сразу тоже. Боль тоже общая.

Мы говорили довольно долго, но в конце концов меня разморило, и я заснул. Наутро проснулся с тяжёлой головой и сразу побежал блевать в туалет.

Потом ещё и ещё. По дороге замечал трупы тараканов, разбросанные то здесь, то там. Ни одного живого. Меня посетила смутная догадка. Я нашёл вчерашнюю бутылку и помутневшим взором прочитал надписи на ней. Самым подозрительным оказался мягкий знак в слове "Гжелька".

Пару дней я приходил в себя, между делом хороня тараканов во дворе, под берёзой.

Теперь я живу один. Живу хорошо. Деньги перевожу в доллары – покупаю два-три с каждой зарплаты. Хлеб пока есть. Крошки есть. А вот тараканы почему-то не приходят. Жалко. Должно быть, их массовое сознание на меня обиделось. Поэтому я просто сижу дома, хожу из комнаты в комнату от скуки и, чтобы не свихнуться, периодически прошу Бога послать мне тараканов.

Бог милостив. Он услышит мои молитвы. Он пошлёт.

19.3.99

День!

(обыденная трагедия)

*Он очень любил леденцы
и потому всегда ходил с огромным
куском льда за щекой. Его звали
Ледорубом и презирали за то,
что он отзывался на это прозвище.*

А. Харитонов-Курский.

"Жизнь Ромашиова".

1

Сегодня Володя весь день учится. Сидит за столом, уткнувшись битый час в одну и ту же страницу Ландафшица и что-то бормочет. Завтра у него экзамен. Сегодня ему ничего не лезет в голову. Значит, завтра, после экзамена, он будет злой, лохматый и противный. Он и сейчас уже внутренне бесится. Вот-вот. Сейчас скажет что-нибудь.

– Константин! – говорит Володя.

– Что? – отзываюсь я.

– Сколько букв "м" в слове "дилемма"?

– Две.

– Неправильно. Это в "дилемма" две, а в "дилемма" три.

Я хмыкаю. Не понимаю я его шуток.

– Кстати, – говорит он, – насчёт дилеммы... Мы отдали кастрюлю в комнату 203. Так?

– Ну, так... – я уже чую какой-то подвох.

– Ты отдавал?

– Я.

– Они не вернули.

– Ну, я схожу сейчас...

– Не сходишь. Они уехали в Серджинск на два дня.

– И что?

– Ищи кастрюлю. И картошку вари.

– Почему я?

– А кто?

Если я начну спорить, то Володя в конце концов надуется и не будет со мной разговаривать по меньшей мере неделю. В общем-то, это совпадает с моими желаниями, но мне не хочется его огорчать.

– Ладно, – говорю я. – Схожу за кастрюлей к кому-нибудь. Только солить ты будешь. Я не умею.

– А ты вообще что-нибудь умеешь? – с издёвкой замечает он.

Перед экзаменом у него всегда такое настроение. Иду в комнату 209, к Готову.

– Кастрюля есть? – спрашиваю.

– Есть, – отвечает Готов за всех.

– Не дадите до вечера?

– Дадим. Но до вечера.

– Так я ж и говорю: "До вечера".

– Ну, мало ли чего ты говоришь...

Кастрюля маленькая. Учитывая володины аппетиты, мне ничего не достанется. Возвращаюсь в комнату и начинаю чистить картошку.

– Не скрипи, – говорит Володя.

– Что? – не понимаю я.

– Ты ножом по картошке скрипишь, как ногтем по ванной.

– Ну и что?

– А у меня экзамен завтра.

Хочу заметить, что это его сложности, но сдерживаюсь. Проходит пара минут.

– Ты чего так долго её чистишь? – спрашивает Володя. – Я жрать хочу, а он издевается.

Я кладу нож на стол:

– Ну, чисть сам.

Володя некоторое время молчит. Потом говорит, переворачивая страницу:

– Если не будешь чистить, не будешь есть.

Это вопрос спорный. У меня ещё есть деньги, чтобы неделю ходить в столовую. А ещё недели через две, возможно, будет новая стипендия.

Однако в кастрюле уже лежит пять картофелин. Что с ними делать? Неужели они достанутся этому обжоре?

– Ты тоже не будешь, – отвечаю я, беру кастрюлю и, закручивая, вышвыриваю в окно. Она летит, оставляя внизу деревья, парки, дома, дворцы и фонтаны, после чего скрывается за горизонтом.

– Псих, – спокойно ставит диагноз Володя. – А кастрюля, кстати, чужая.

– Мне плевать.

– Мне тем более.

Полная идилия: Володя качается на стуле и ручкой чертит между строчек Ландафшица замысловатые кривульки, а я начинаю кидать ножик в дверь. Дверь плотная, ножик в неё не втыкается, но я всё равно бросаю его снова и снова, надеясь на то, что Володю это когда-то выведет из себя.

Как раз в тот момент, когда я выпускаю нож из рук, дверь резко распахивается, и входит маленького роста девушка с той самой кастрюлей, которая все так же до краёв заполнена водой.

Нож, к сожалению, попадает в кастрюлю.

– Надо стучаться, – замечает Володя.

Девушка осматривает слегка забрызганные брюки и говорит:

– Здравствуйте. Кастрюля ваша?

– Нет, – отвечаю я. – Картошка наша. Кастрюля из комнаты 209.

– Если я правильно учла силу Кориолиса и боковой ветер, она вылетела из вашего окна.

– Вылетела, – отвечаю я.

Она ставит кастрюлю на стол.

– Что это вы кастрюлями кидаетесь?

Я пожимаю плечами:

– А что это вы их ловите?

– Ну вот захотела и поймала.

– Ну вот захотел и кинул.

Володя громко захлопывает Ландафшица со словами:

– Здесь не бордель.

В его устах "бордель" означает чересчур длительное пребывание в комнате лица женского пола. Я думаю, что лучше бы из комнаты смыться. Если я не уйду, он меня доконает.

– А как вас зовут? – спрашиваю я у девушки.

– Аня.

– А я Костя. Может, сходим куда-нибудь?

- Зачем?
- Надо же чем-то заняться.
- Ну давайте.
- Я меняю тапочки на носки с ботинками, и мы выходим.

2

Не знаю, поймёте ли вы меня, если я скажу, что... Нет, не поймёте. Давайте уж лучше ехать дальше.

3

Всё дело в том, что мимо – неразрывный поток автомобилей. А сбоку от моего плеча – Аня, безразличная и к этой внеплановой прогулке, и ко мне, и, в общем-то, к автомобилям.

Если её разбить на отдельные кубики, может быть, удастся что-то понять? Глаз – один кубик. Нос – два. Ухо – три. Брюки – 127 кубиков. Или 126? Ну вот. Уже не получается.

- День, – говорю я.
- Что? – спрашивает она, едва поворачивая голову.
- День. Слышите, как он говорит – "день меня, день". Куда бы его деть?
- А что, вам нечего делать?
- Не помню, – я на ходу достаю еженедельник и читаю:
 1. Поймать трёх чапель и одну снежную ящерицу.
 2. Сказать Володе, что он дурак.
 3. Устроить конец света.
- Кого поймать? – спрашивает Аня.
- Чапель. Давайте в кино сходим.
- Ну давайте.
- А у меня денег нет.
- И у меня нет. А у вас совсем-совсем нет?
- Нет, немного есть. Но не тратить же на всякие глупости вроде кино.
- Это правильно.

4

Кто такие чапли? А вы что, не знаете? Тем, кто не знает, и не объяснишь... Ну, те самые, о которых я каждый день пишу в еженедельнике: "Поймано чапель 0 штук, снежных ящериц 0 штук". Но иногда как зашуршит что-нибудь в кустах – и думаешь: "Вот она, чапля".

- А вам идёт эта шапочка.
- У меня нет шапочки.
- Э-эх... Не понимаете вы комплиментов.

Чапель нет. Володя остался в общежитии. Придётся исполнять третий пункт программы.

а) Описание окружающего пространства непосредственно перед концом света.

Машины на улице. Анна к северо-западу от меня. Я к юго-востоку от Анны. Прохожий дядечка приглаживает рукой лысину. Где-то скрипят тормоза.

б) НАСТУПАЕТ КОНЕЦ СВЕТА.

в) Описание окружающего пространства непосредственно после конца света.

Машины на улице. Анна к северо-западу от меня. Я к юго-востоку от Анны. Прохожий дядечка приглаживает рукой лысину. Где-то скрипят тормоза.

- Ну как вам конец света? – спрашиваю я.

– Ничего, – говорит она. – Только я не Света, а Аня.

– А вы любите детей?

– Нет. Как представлю, что у меня когда-то будут дети... Я, конечно, могу понять, что это долг...

– Ерунда. "Мать" – это не долг. Это просьба. Разве вы не знаете, что некоторые глаголы в повелительном наклонении оканчиваются на мягкий знак?

Примечание. День, ночь, мать, речь, ложь.

– Давайте хоть на метро покатаемся.

5

Вот как странно – когда едешь по кольцевой линии метро, всё время проезжаешь одни и те же станции. Над этим стоит подумать.

6

– Зайдёте?

– Я же к вам сегодня заходила уже.

– Так то с кастрюлей, а теперь со мной.

Заходим в комнату и видим Володю. Он стоит на стуле, просунув голову в петлю.

– Добрый вечер, – говорю я. – Я хотел тебе сказать, что ты дурак.

– Я знаю, – отвечает Володя. – А у меня завтра экзамен.

– А-а. Так это ты вешаешься?

– А что, я мешаю?

– Да нет. Продолжай.

– Сволочь, – говорит Володя и назло мне слезает со стула.

А теперь мы с Аней чистим картошку.

– Что это вы вдруг? – спрашивает Володя.

– Да ты не волнуйся, – говорю я. – Всё равно тебе не хватит.

Володя хмуро смотрит на меня, а потом возвращается за стол и снова раскрывает Ландафшица.

– У него завтра экзамен, – поясняю я.

– Я догадалась.

Тут дверь распаивается. Заходит Глотов.

– Ты кастрюлю обещал вернуть, – говорит он.

– А мы картошку варить хотели, – отвечает Аня.

– Ничего, – говорит Глотов, вытряхивая картошку вместе с водой на стол, – это вы как-нибудь в другой раз.

7

Анна ушла. Володя начал материться. Можно ложиться спать, что я и предлагаю сделать Володе.

– Я всего три билета из двадцати выучил, – говорит он.

– А я ни одного, – возражаю я.

– Так у меня экзамен завтра, а у тебя только послезавтра.

– Зато завтра я тоже лягу спать рано.

И через пару минут свет гаснет. Я лежу, закрыв глаза, и пытаюсь думать. И тут под кроватью кто-то начинает тихо и противно верещать. Я быстро запускаю под кровать руку и вытаскиваю снежную ящерицу. Она вертит глазками и обиженно шевелит носом.

– Всё равно никто не поверит, что я тебя поймал, – шепчу я. И опускаю её на пол. Она семенит к двери и проползает в щель под ней.

Ночь... Она тоже просит о чем-то своём: "Ночь меня, ночь". Но я не умею нокать. Поэтому по ночам просто сплю – до следующего дня.

Клаустрофобия

1

Мы жили в комнате 206. Мы пили в комнате 206. Мы блевали в комнате 206. А зубы чистить ходили в умывалку в конце коридора.

– Тюков, – сказал я. – Мы кретины.

– Почему? – спросил Тюков.

– К нам никто не ходит.

– Ну и что?

– Я и говорю – кретины.

Володя тем временем сидит в наушниках и учит свой английский. С ним разговаривать бесполезно. Он может сейчас только губами беззвучно шевелить. Но у него ничего не выйдет. У него не в губах дело. У него мозг чисто русский до самого копчика. Он не может переварить предложение *I saw her crossing the street*, слегка нерусское по структуре, или даже просто произнести первый звук в слове *the*.

А я крестин. Ко мне никто не ходит. Но ничего. Теперь я это осознал и буду с этим бороться.

– Тюков, – говорю я. – Я пошёл.

– Нет, Константин. Ты поехал.

– Неважно. Убери весь этот срач. Я хочу, чтобы у нас появлялись гости.

– Костя, зачем? Нам тут и втроём-то тесно.

– Мне тесно, когда я один.

И я вышел. Поднялся по лестнице и ткнулся в первую попавшуюся комнату. Успел заметить номер на двери: 309.

2

На кровати в позе лотоса сидел абсолютно голый мужчина. Его взгляд был устремлён в бесконечность, а в ухе висела золотая серёжка с подвеской в виде сердечка.

– Извините, – сказал я. – Я не постучавшись вошёл.

– Они светлые и чистые, как козлий пух, – сказал человек на кровати. – Они тоже ходят и стучат. Их барабаны большие и звонкие, как гора Арарат. Да славятся они вовеки веков.

– Аминь, – сказал я на всякий случай. – А кто это – они?

Мой собеседник изрёк нечто, что я не собираюсь излагать на бумаге, поскольку в этой тираде каждое второе слово было нецензурным.

– Отойди, – добавил он. – Ты икону загораживаешь.

Я обернулся. За моей спиной на стене висело кривоватое изображение волосатых парней в кожаных куртках, вчетвером оседлавших один уродливый мотоцикл.

– Я это, – сказал я нерешительно, – в гости хочу кого-нибудь. Вы не знаете, где здесь кто-нибудь живёт?

– Меня Селивестром зовут, – сказал голый человек. – Хочешь – присоединяйся.

– К чему?

– Садись рядом, устремляй свой разум в шестнадцатую плоскость космической энергии и кайфуй.

– А мне серёжку выдадут? – с надеждой спросил я.

– Нет, – ответил Селивестр. – Некоторые просто мочку уха отрезают. Но это ведь не главное.

– А что главное?

– Главное – достичь абсолютного просветления. Чтобы любой раб космоса, насколько ли бы то нибудь безгрешен он ни не был, мог прозреть насквозь каждую клеточку твоей плоти и пресытиться. Присоединяйся.

Я сел рядом с Селивестром в позу лотоса и начал считать плоскости космической энергии. Очнулся я от того, что моего лица коснулось горячее дыхание Селивестра.

– Э... – сказал он, внимательно глядя мне в глаза. – Да ты ещё недостаточно просветлел. Надо, чтобы зрачки ушли внутрь и не реагировали на свет. Свет внутри нас, понимаешь?

– ППАННИМАЙУУ, – сказал я и снова впал в транс.

3

Это была, кажется, комната 313. На каждой из трёх кроватей сидело по одной девушке. Они читали три книги – красную, синюю и черную – синхронно переворачивая страницы ровно через 25 секунд.

– Здравствуйте, сёстры, – сказал я, осенив их священным манием своих пальцев, сплетённых в косичку, знаменующую собой блаженность великого просветления, да славится оно вовеки веков.

– Кажется, кто-то вошёл, – сказала девушка в красной юбке.

– И что будем делать? – спросила девушка в синей юбке.

– Как вошёл, так и выйдет, – ответила девушка в чёрной юбке.

Они со звонким шорохом перевернули страницы.

– Это... – сказал я. – Космос – он большой. Давайте друг к другу в гости ходить.

– Чего он хочет? – спросила девушка в красных туфельках.

– Он хочет в открытый космос, – ответила девушка в синих туфельках.

– Пожалуйста, – сказала девушка в чёрных туфельках. – Сколько угодно.

Они перевернули страницы и на всякий случай подтянули края юбок к коленям.

– Это... – сказал я, – вы меня не поняли. Может, вам нужно чего-нибудь. Так вы это... заходите чаю попить.

– Может, он чаю хочет? – предположила девушка с красными ногтями.

– Да вроде нет, – отозвалась девушка с синими ногтями.

– А столовая в другом здании, – заметила девушка с чёрными ногтями.

Они разом оторвали взгляды от книжек и крикнули:

– Чарли!

Из тумбочки в углу вылез двухметровый дог пегой масти с газовым баллончиком в зубах.

– Это... – сказал я.

– Пшик, – сказал дог.

4

Следующая дверь – если не ошибаюсь, 443 – открылась от звука моего очередного чиха.

– Это... – сказал я. – Только не надо собак...

Человек в очках с толстыми линзами вытянул губы трубочкой и немного подумал.

– У вас аллергия на шерсть? – спросил он.

– Нет, – ответил я. – Просто, оказывается, я плохо перевариваю некоторых людей.

– Вы каннибал?

– Нет. Но в предыдущей комнате сидело три разных девушки в этих юбочках...

– Вы фетишист?

– Простите, я что-то плохо понимаю. Космос – он большой. В смысле, аминь. А они меня собакой. Давайте друг к другу в гости ходить.

– Вы гомосексуалист?

– Нет, я это... в смысле, гетеро. Но эти с книжечками...

– Вы антисемит?

– Почему антисемит? Я вообще не против кого угодно. Лишь бы в гости кто зашёл – поболтать, в кино сходить. В общем, как-то время вместе провести.

– Вы хронофаг?

– Я? Да, может быть. Но некоторые девушки – они такие умные, конечно. Книжки читают. Им не нужно ничего.

– Вы феминистка?

– Да. Но я не об этом. Почему нельзя просто по-человечески? Ой, нет, вы опять меня неправильно поймёте... Я в том смысле, что все сидят в каморках, как кроты...

– Вы страдаете клаустрофобией?

– Да. Мне тут тесно у вас.

Я вышел, успев услышать за спиной:

– Какой патологический случай...

5

Она лежала на коврике перед входом и чесала что-то у себя под комбинацией.

– Простите, – сказал я. – Я что-то очень плохо сегодня соображаю. Я уже в двери перестал стучать.

– Давай трахнемся, – сказала она. – Ты такой сексуальный.

Я подумал, а потом предложил робко:

– Может быть, в кино сходим?

– Я тебе не нравлюсь?

– Ну... Я не знаю пока.

– Ты только попробуй. Тебе понравится.

– Да нет, я не это... В смысле, я ещё не до такой степени просветлел.

– Может, у тебя с головой что-то не то?

– Ну да. Клаустрофобия и каннибализм.

– Так съешь меня в коридоре. Я очень сладкая...

– А как тебя зовут?

– Тьфу. Да что я, помню, что ли? Вчера звали Пупсиком, сегодня Колокольчиком. Какая разница?

– Никакой. Что пупсики, что колокольчики...

Я пожал плечами и пошёл к комнате 407.

6

Там меня внимательно выслушал человек в малиновом пиджаке и галстук в сине-жёлтый горошек.

– Так... – сказал он. – Пиши.

– Что писать?

– Договор. Заключён между Константином и Гоги, именуемыми в дальнейшем сторонами. Стороны обязуются заходить друг к другу в комнаты NN 407 и 206 соответственно не реже двух раз в неделю. Ну и так далее. Пиши все, что нужно. Число и подпись. С тебя пятьдесят долларов плюс по десять каждую неделю.

- Ммм, – сказал я. – Да у меня и денег-то нет.
- О'кей, – сказал он. – Заходи, когда будут.

.....

761

Я, Володя и Тюков сидели у себя в комнате и медитировали. В ответ на раскрывшуюся дверь я поднял газовый баллончик, Володя закутал ноги в свою юбочку, а Тюков просветлел и зарычал.

Тот, кто вошёл, кашлянул и сказал что-то.

– Чего он хочет? – спросил я.

– Явно не чаю, – ответил Володя.

– Да все они тут жида, – сказал Тюков.

– Вали отсюда, – сказал я.

– Педераст непросветлённый, – добавил Володя.

– И тысячу баксов на стол! – взревел Тюков.

– Я это, – сказал вошедший дог Чарли. – В смысле, вы произвели на меня неизгладимое впечатление. Извините за тогдашнее. Давайте в кино сходим или на охоту какую-нибудь.

– Сколько стоит сходить с ним в кино? – спросил Тюков.

– Он недостоин космоса, – сказал Володя.

– Да нет, постойте, – сказал я. – Чарли, я тебе нравлюсь?

Чарли немного подумал.

– Пока не знаю, – сказал он. – Но ты это... Заходи. Если что.

И уплыл куда-то в 21-ю плоскость энергии.

Мы разом почесали что-то под комбинациями и вознеслись. Было здорово. Где-то возле нас парили соседние общежития, дома и целые города. Всеобщее просветление приближалось. Я чувствовал его тёплое дыхание почти так же отчётливо, как аминь.

И от этого парить становилось все легче.

28.5.95

Хвостики

*– Хвостики? Какие Хвостики?
А если я на вас Утюга спущу?
Хозяин усадьбы.*

В г. Козлогонске каждые пять дней умирал один полноценный гражданин, не считая пенсионеров и интеллигентов. А каждые 20 дней рождался другой человек, который никогда не претендовал на звание выдающегося. И никто не хотел приезжать в город, стоящий вдалеке от транспортных артерий и прочей требухи, не говоря уж об отсутствии какого бы то ни было культурного времяпрепровождения. Но, несмотря на это, население неуклонно росло.

* * *

Пошёл Володя охотиться на мамонта. Одел шкуру, взял топор каменный, не брился три дня – всё честь по чести. Пришёл в лес – мамонтов нет. "Не судьба", – решил Володя и пошёл обратно. Но на обратном пути его забрали в милицию. Вот тебе и правовое государство.

* * *

Малообеспеченные – те, кто обеспечен хоть какой-то малостью. Нищие к этой категории не относятся.

* * *

Посреди холодной лужи пота в центре города Козлогонска очнулся ото сна уважаемый гражданин Покобатько. Одна мысль резала его мозги и жгла горло, как "Аэроантимоль": "Четверг сегодня или суббота?" Виктор Николаевич и допустить не мог, что сегодня пятница, поскольку день стоял просто поганый. Он поднялся, пролез сквозь колючие кусты и узнал знакомый угол винного магазина, где обычно лезло и ворочалось существо, похожее на очередь. Там было пусто. Сердце ухнуло в живот и загудело. "Воскресенье устроили, сволочи", – пробурчал Покобатько и сплюнул.

* * *

Лёд тронулся вместе с господами присяжными заседателями.

* * *

Читаешь газеты – мамочки! Посмотришь телевизор – батюшки! Все мы одна семья – советский народ.

* * *

1. Володя пришёл в столовую и взял салат из капусты со сметаной. Смотрит – а салат-то неоднородный. Решил перемешать. Долго мешал. Неоднородности не исчезли. "Патология", – понял Володя.

2. Володя пришёл в столовую и взял салат из капусты со сметаной. Смотрит – а салат-то неоднородный. Решил перемешать. Долго мешал. Капуста растворилась. "Патология", – понял Володя.

* * *

Революция – такой переворот, который приводит к смене одного строя другим. Если же допустить, что любой переворот – революция, то мировые революции происходят каждые 12 часов.

* * *

- Есть ли среди вас человек, который совсем не умеет думать?
- Есть. Это я.
- Как фамилия?
- Иванов.
- Что ж вы отвечаете, не подумавши?

* * *

Володя попробовал воткнуть ключ в замок. Не получилось. Наверно, это был не тот ключ. Чтобы убедиться в этом, Володя достал из кармана запасной ключ от этого замка и сравнил. Ключи были совершенно разные. "Как же я теперь домой попаду?" – задумался Володя.

* * *

Спасибо было такое огромное, что не смогло вылезти изо рта.

* * *

Выключатель – это то, что выключает. Включатель – это то, что включает. А то, что и включает, и выключает, должно называться универсальным коммутационным устройством.

* * *

Запахло жареным. Инквизиция сжигала учёных.

* * *

Володя пришёл в кинотеатр. Смотрит – а там люди сидят.
– Извините, – сказал Володя и вышел.

* * *

Человек едет в метро и слышит объявления:
– Осторожно, двери закрываются. Это была станция "Смоленская".
– Осторожно, двери закрываются. Это была станция "Арбатская".
– Осторожно, двери закрываются. Это была станция "Александровский сад", конечная.
Поезд идёт в парк.

* * *

Табуретка отличается от таблетки главным образом размерами и выполняемыми функциями.

* * *

У Володи стал выпадать зубы. Хронически. Назад втыкает – выпадают. На клей сажает – все равно выпадают. Тогда он положил их на полку и перешёл на духовную пищу.

* * *

Стук в дверь. На пороге – молодой человек.

– Здравствуйте, – произносит он.

– Здравствуйте, – отвечает хозяин и закрывает дверь.

Снова стук в дверь.

– Простите... – говорит молодой человек.

– Прощаю, – отвечает хозяин и закрывает дверь.

Опять стучат.

– Я хотел бы занять у вас денег, – говорит молодой человек.

Хозяин в восторге:

– Ну хоть один пришёл по делу.

* * *

Володя выплыл на плоту из сарая, нащупал под водой крышку колодца, открыл её и опустил туда ведро. Зачерпнул полное и, довольный, поплыл обратно.

* * *

В небе над советско-японской границей японскими войсками ПВО был сбит советский танк Т-72, полностью разрушившийся при падении. В обращении к Президенту СССР Горбачёву, направленном из Японии, выражается: 1) надежда, что подобные инциденты впредь не повторятся; 2) возмущение правительства Японии актом нарушения основных принципов добрососедского сосуществования.

Аналогичное обращение к японскому правительству принято Верховным Советом СССР.

* * *

Володя нашёл баночку с белым сыпучим веществом и никак не мог понять, соль это или сахар. Тогда он взял щепотку в рот и начал жевать. Но так ничего и не понял. Видимо, это был стиральный порошок.

* * *

Он любил носить часы на цепочке и смотреть, как из них выпрыгивает кукушка.

* * *

Володя и Константин попали на необитаемый остров. Скука жуткая, а на двоих всего одна книга. Решили читать по очереди: Володя читает с первой страницы по пятидесятую, Константин – с пятидесят первой по сотую и т.д.

Но спустя некоторое время Константин понял, что его надули. Ведь Володе достались последние страницы, и Константин так и не смог бы узнать, чем все кончилось. Тогда он потихоньку стащил книгу и прочитал конец. Однако Володя узнал об этом и после возвращения с острова подал на Константина в суд.

* * *

Можно стать великим в какой-то области, имея о ней лишь поверхностное представление. Так, например, Великий комбинатор практически не был знаком с комбинаторикой.

* * *

Володя пришёл в магазин, где Константин работал продавцом. И увидел на прилавке ботинок. Один. Левый. Чтоб не украли.

– Сколько стоит? – спросил он Константина.

– Две тысячи, – ответил тот.

Володя протянул ему две тысячи. Константин положил ботинок в коробку и пододвинул к Володе.

– Пстой, – сказал Володя. – Но мне же нужно два ботинка.

– Два ботинка – четыре тысячи, – ответил Константин.

Володя заплатил ещё две тысячи, получил второй ботинок и отправился домой. По дороге он думал, не стоит ли ему вернуться, чтобы купить ещё и правые ботинки.

* * *

Он наложил на себя руки, чтобы убедиться в их конгруэнтности собственному телу.

* * *

– Тут уж выбирайте – либо терциум, либо нон датур.

* * *

Володя, Константин и Тюков стояли на пристани и ждали автобуса.

КОНСТАНТИН. Идёт какой-то.

ВОЛОДЯ. С табличкой "180".

ТЮКОВ. Значит, наш.

ВОЛОДЯ. Спросим на всякий случай у водителя.

ВСЕ ТРОЕ (орут дружно). Какой номер?

ВОДИТЕЛЬ. Сто восьмидесятый.

КОНСТАНТИН. Восемьсот десятый?

ТЮКОВ. Сто пятидесятый?

ВОЛОДЯ. Семьсот шестьдесят первый?

ТЮКОВ. Значит, не наш.

ВСЕ. Давай, отчаливай!

Они берут весла и отталкивают автобус от берега, а потом садятся на парапет и ждут очередного автобуса.

* * *

Виктор Николаевич Покобатько – человек семейный. И если что, так даже и в таком случае ни-ни, и ни одной ногой, и ни в одном глазу. Но на крайний и пожарный лежал у Виктора Николаевича в подкладке пиджака заветный четвертак. И в один, как всегда, прекрасный вечер, когда хозяин плохую собаку на улицу не выпустит, вышел он погулять под дождём, поскольку его благоверная отлучилась в Москву за колбасой. И купил Виктор Николаевич, решившись на отчаянный шаг, какую-то умную книжку на все свои двадцать пять, не считая трояка на хлеб и молоко. Пришёл товарищ Покобатько домой, полистал книжку и ничего не понял.

Тогда Виктор Николаевич почесал голову и сказал: "Тьфу!"

* * *

В соседней комнате зашумело мужское платье.

* * *

Володя стоит у окошечка кассы и заказывает себе обед:

– Салат из картофеля... Суп картофельный... Котлеты картофельные... с картошкой...

А напиток картофельный у вас есть?

– Нет.

– А я думал – приличная столовая.

* * *

"Велосипед" – вроде бы от слова "сипеть". А не сипит. Вот это техника!

* * *

Соседка Володи заметила, что он часто водит к себе девушек. Причём не выводит обратно. Приходит вечером с девушкой, а утром уходит один.

Это соседку заинтересовало. Она ежедневно высовывала свой нос в замочную скважину и нюхала. Девушки обратно не выходили.

Чтобы увидеть кучку разлагающихся трупов или забитый головами холодильник, старушка проникла в володину квартиру. Но ничего криминального не нашла – Володя девушек измельчал и варил из них холодец.

Электросказка

1

Я – синяя настольная лампа. Если вы воткнёте мой шнур в электрическую розетку, я, может быть, зажгусь. Все зависит от моего желания, ведь я – капризная лампа. Впрочем, одного желания мало. Необходимо ещё ввинтить в мой патрон лампочку. Если же я зажглась, вы спокойно можете садиться за стол и читать свои лекции по экономике. Мой свет не дрогнет и не станет тусклее – если меня не злить. Я не люблю, когда меня обижают и могу даже пережечь спиральку в вашей драгоценной лампочке, которую вы только что установили в мою раскрытую пасть.

Терпеть не могу, когда меня двигают по столу. Я просто трясусь от злобы, а могу и ударить током. Но током бить некого, и некому воткнуть вилку в сеть. Я одна. Я хочу есть. Я слезаю со стола и становлюсь Алексеем – пожирателем трупов. В холодильнике – омертвевшие куски говядины. Ими я и займусь...

Дождь за окном. Неохота быть плащом или зонтиком-автоматом. Лучше – электрокамином и хранить в себе тепло электродров...

Звонят в дверь. Придётся временно исполнять роль швейцара. За дверью девушка с чемоданом и огромной кожаной сумкой. Мокрые волосы. Красная "дутая" куртка и синее, до колен, платье под ней.

– Здравствуйте. Извините, я тут приехала к вашему соседу напротив, а его нет... Можно, я занесу к вам вещи ненадолго?

– Конечно. Вообще-то у меня чай почти готов. Не хотите?

Она колеблется.

– На улице холодно, мокро и противно, – утверждаю я.

Она откидывает вбок напитанные влагой волосы и, наконец, улыбается:

– А может, и правда зайти? – и делает шаг внутрь.

Я вспыхиваю разноцветными огнями. Они бегут от верхушки по всем моим зелёным веткам. Я помогаю ей снять куртку и подхватываю внутрь своей кабины, поднимая вверх. Она нажимает кнопку третьего этажа. С её ног одна за другой слетают хрустальные туфельки.

Я останавливаюсь на третьем этаже, распаиваю свои двери; она выходит и нерешительно замирает у входа в огромный тёмный зал.

– Не бойтесь, – говорю я. – Когда я рядом, тьма вас не тронет. Зато в другом конце этого помещения – чашка горячего чая. Неужели вы не хотите попробовать?

Я взлетаю ввысь, не забыв воткнуть шнур в розетку. Я – электрический излучатель света, блестящий и дышащий теплом. На экране моего левого кинескопа – информация о дальнейшем пути.

Я стучу электронами по люминофору, выбивая на экране надпись:

– Идите вперёд.

Она делает неуверенный шаг. Над её головой вспыхиваю я, охватывая её светом и приглашая войти.

Она улыбается:

– И где же ваш чай?

Я наврал. Чая, ещё, собственно, нет. Есть только море воды, я и электрическая розетка. Но ради неё я готов вскипятить море за пару ничтожных секунд.

И вот уже клубится пар, поднимая её в безоблачную синюю высь, не обжигая, а всего лишь лаская своими тёплыми мягкими лапами. Я вынимаю кипятильник за длинный хвост провода и воспаряю к ней.

– Кажется, мы хотели пить чай, – напоминает она.

– Ах, чай... -я улыбаюсь и незаметно щелкаю тумблером. Из бункера высыплются тонны чая, и его благоухание её, похоже, умиротворяет. Она берет свою чашку, кладёт в неё сахар и ВЗДЫХАЕТ.

Что такое? Я встревожен. Я вынимаю вилку из сети.

2

Оксана медленно помешивала ложкой чай, глядя в стол, покрытый сероватой клеёнкой.

– С чем будете пить? – спросил Алексей, отодвинув свою табуретку.

– А что есть?

– Сухари есть, – сказал он, раскрыв створки шкафа. – Можно бутерброд с маслом сделать. О! Колбаса есть.

– Давайте лучше с сухарями.

Алексей достал целлофановый пакет сухарей, развязал его и поставил на стол, под висящую на столе хлебницу.

– А зачем вам сосед? – спросил он, подсаживаясь снова за стол. – Вы его родственница?

– Племянница.

– А, ясно. Приехали навестить?

– Нет, я проездом. В институт.

– И где же такие симпатичные учатся? – в глазах Алексея пробежала яркая искорка, он отхлебнул из чашки и чуть не обжёгся.

– Какая разница? И вообще, я не люблю бесплодных разговоров, – она казалась недовольной, но тут же снова улыбнулась: -Хорошо. Мягкие сухари.

– А про сухари – не бесплодный разговор? – настаивал Алексей.

– Про сухари – это нейтрально, – ответила Оксана. Она умудрилась выпить уже полчашки!

Руки Алексея дрожали. "Пальцы – иссохшие и тощие, как у старика", – отметила про себя Оксана.

Долгое неловкое молчание.

– А вы любите смотреть телевизор? – спросил он наобум. И сразу понял, что вопрос глупый.

– Зависит от того, что показывают.

ОНА УЖЕ ВСТАЁТ!

– Спасибо за чай.

Алексей растерянно провожает её до двери. Она надевает куртку. Он опускает глаза и неожиданно замечает... электрическую розетку.

3

Она вскрикнула, увидев впереди вместо прихожей длинный коридор.

– Что это значит?

– Я не хочу, чтобы вы уходили.

– Уберите это!

– Хорошо, – я усмехаюсь и нажимаю все кнопки разом.

Схлопываются автоматические двери позади и впереди неё, а эскалатор с сумасшедшей скоростью едет вниз.

– Остановите! – кричит Оксана.

– Хотите ещё чаю?

Впереди – кипящее море коричневого напитка. Оно заливает уходящие вглубь ступени эскалатора и накатываются волной. Оксана роняет сумку, которая катится, рассыпая содержимое, и уползает в горячий ад.

Оксана бежит вверх, но ступени все едут и едут навстречу, и я чувствую, что скоро её силы иссякнут.

– Чего вы хотите от меня?

Я останавливаю эскалатор, и она тут же обессиленно падает на ступени.

– Уже ничего, – говорю я. – Вы мне надоели.

– А если я все же попью с вами чаю?

– Вы хотите попробовать ещё раз? Ну что ж, давайте. Но бесполезно – вы уже дотронулись пальцем до моей язвы. Вы разбредили моё воображение, Оксана.

– Отпустите меня.

– Ну уж нет! – произношу я электрическим голосом, и от моих зубов отлетают искры. – Попробуйте вынуть штепсель из розетки.

Вон он, манит её и зовёт к себе – совсем близко. Стоит только сделать пару шагов, легонько дёрнуть за провод. Но я знаю – она не сможет этого сделать. Она приближается к вилке, ещё не чувствуя подвоха. Но фотоэлемент отмечает её появление, и вся комната ухает вниз, а я хохочу:

– Где вы? Ау! Все ещё хотите выключить меня?

Оксана вскакивает с пола и осматривается. Кругом темно.

– Это всё потому, что меня нет рядом с вами! – кричу я.

Она не отвечает, а щупает стену рядом с собой – и отдёргивает руку. Это моё прикосновение – напряжение в 220 вольт.

Но такие игры неинтересны; я протягиваю ей руку помощи – тоненький лучик света через весь пол. Она идёт по нему, недоверчиво наступая на пол ногами, и вот уже снова видит впереди голубого цвета вилку – предмет её мечтаний. Она готова выдернуть её из розетки...

И тут сверху падает, разматываясь, огромный моток провода. Ничего не поймёшь в мелькании искр, шипении разрядов, дыме плавящейся изоляции. И Оксана уже не Оксана, а лишь электрический разряд, летающий в сплетении медных витков. Вот и всё.

Она уткнулась в провод и теперь я сделаю с ней всё, что захочу. Например, вот так... Я втыкаю провод в антенное гнездо телевизора. На экране – она, плоская, как фотография. Мне это кажется забавным. Она злится и стучит по экрану с обратной стороны.

Я довольно улыбаюсь:

– Сидите, сидите, гражданка. Подожду, пока вы одумаетесь и согласитесь-таки побыть со мной ещё немного.

Звонок в дверь. "Ну кто там ещё?" – думаю я. Электрические замки открываются, и я вижу человека в солидном костюме.

– Здравствуйте, гражданин Киндер, – говорит он. – Я – представитель Московской станции энергетических ресурсов. Рекомендую вам уменьшить потребление электроэнергии. Ознакомьтесь со счётом за последний месяц.

– Я оплачу, – говорю ему я и уже запускаю в действие печатный станок на кухне, благо это всего лишь несложный двоичный сигнал по кабелю. Ползут по столу новенькие тысячерублёвки. Он забирает деньги и удовлетворённо кивает:

– Хорошо. Но станция должна вас предупредить: из-за повышенного расхода вами энергии произошла небольшая авария, в результате чего в ближайшие пять минут в сети произой-

дёт скачок напряжения. Во избежание порчи электроприборов рекомендуем выключить их ненадолго.

Он исчезает. Я в панике. Может быть, временно поставить в цепь резистор? Прибор-нагрузку? Стабилизатор напряжения?

И тут я понимаю интересную вещь – моя пленница в телевизоре погибнет. А если я выдерну свой шнур, то останусь в живых. Замечательно. Голубая вилка послушно выпадает из розетки.

Я мёртв. Но лишь на время – чтобы переждать опасность.

4

Оксана оттолкнулась ногами от разгоняющего электрода и выставила вперёд руку с массивным браслетом. Изнутри кинескоп разбить легче, чем снаружи...

Осколки летят навстречу, и Оксана закрывается от них рукой. Пьянящий вакуум сменяется свежим воздухом. Оксана выбирается из корпуса телевизора, стряхивает с рук электрические разряды и приближается к телу Алексея. В её руках – голубая пластмассовая вилка. В розетке – напряжение, кратковременно поднявшееся до 380 вольт...

5

Мой мозг озарила вспышка. Я метаясь по полу, сыплю осколками разлетающихся индикаторов и изрыгаю дым. Пара взрывов – и меня разносит в клочья. Электроны – сотня злых муравьёв, которые больно кусают мои останки, делая невыносимыми последние мгновения моего существования. Я умираю. Нити накала постепенно остывают.

Конец – и неужели навсегда?

6

– Ой! Племяшка! Ты приехала-таки. Ну, здравствуй.

– Здравствуйте, дядя Петя. Я только на денёк – завтра у меня поезд.

– Ну, проходи, проходи. Давно ждёшь-то?

Они входят в квартиру. Пётр Алексеевич вытирает ноги.

– Нет, только что. Ещё не решила, куда идти, пока вас нет.

– А что сумка у тебя мокрая?

– ...Да я под дождь попала, – Оксана виновато улыбается.

– Ого! – восклицает Пётр Алексеевич и разводит руками: – Да тут такая была гроза!

Ветер – даже столбы по дороге повалило.

– Скажете вы, дядя Петя... Так, лёгкий дождичек.

Он неожиданно принимает, брезгливо наморщив нос:

– Откуда это разит? Запах, будто жгут чего.

Дядя Петя выглядывает на лестницу.

– Наверно, у твоих соседей телевизор сгорел, – предполагает Оксана.

– Ну и Бог с ним, – говорит Пётр Алексеевич, наконец закрывая дверь. – Станный он человек. – Он на мгновение задумывается и поясняет: – Сосед то есть.

Он наливает в чайник воду и ставит его на плиту. За окном всё ещё моросит дождь, а вдали сверкают вспышки молний, похожие на длинные сухие пальцы.

Потом доносится гром, и Оксане ясно слышатся в нём слова:

"ЕЩЁ НЕ ВЕЧЕР".

Октябрь 1992, Москва.

Шиза

*Он говорил, что если обогнуть трубу
и взять левее, то можно сквозь щель
выйти из нашего измерения и войти
в другое, но там тоже унитаз.*

*Виктор Шендерович.
"Из последней щели".*

В последнее время у Володи явно едет крыша. Он стал подозрительно придирчив к мелочам. Ночью он постоянно что-то подсчитывает в уме. Он вообще перестал мыться, мало ест, а его взгляд напоминает пару медных монет с изображением оципанного двуглавого орла. Вчера он заметил трещину на стене и тщательно измерял каждый её прямолинейный участок при помощи линейки, всё это складывал, перемножал, а результаты записывал красным маркером прямо тут же, на стене. Когда я спросил его, что он делает, он сразу забеспокоился, сунул маркер в карман и сел на угол кровати, невинно хлопая глазами.

– Может, ты переутомился? – спросил я. – Сходил бы, проветрился. Нельзя же всё время учиться. Сдашь ты свой экзамен. Это которая по счёту пересдача?

– Не помню, – сказал он.

– Ну, не последняя?

Он поднял на меня свои бессмысленные глаза и задумался. Минуты через две заговорил:

– Знаешь, эта трещина явно имеет какой-то смысл. Если длину самого длинного звена в миллиметрах умножить на 761 и сложить с длиной всех остальных звеньев, а потом умножить ещё раз на 761, получится расстояние от Земли до Солнца.

– Ну и что? – спросил я.

– А если сложить длину всех нечётных звеньев в сантиметрах и вычесть 761, получится 666.

– Ну?

– Здесь что-то нечисто, – Володя весь сжался, будто пронзённый сильной болью. – Ближится конец света. И источник его – Солнце.

Я сел рядом с ним.

– Володя, успокойся. Эту трещину сделал Тюков. Когда ты ходил очищаться в фонтан у главного входа, он пришёл в стельку пьяный и стал биться об стенку головой. Тут в паре мест даже застряли его волосы.

– Да, – кивнул Володя. – Я хотел замерить расстояние между ними.

– Ну и как?

– Не измеряется. Представляешь? Здесь что-то нечисто.

– Как не измеряется?

– Линейки не хватает.

Я хотел было дать свою длинную линейку, которая лежала у меня в тумбочке, но понял, что это может плохо сказаться на психическом здоровье Володи, поэтому предложил ему прогуляться, питая слабую надежду, что он согласится попутно зайти к доктору.

Володя испуганно отшатнулся от меня:

– Я там уже был.

– Где?

– Внизу, в магазине.

– Ну и что?

– Там что-то нечисто.

– Почему?

– Там продают китайский сахарный песок в пенопластовых ведрах.

Я невольно засмеялся.

– Не смейся, – сказал Володя. – Ты когда-нибудь видел пенопластовые ведра?

– Нет, – ответил я.

– Вот видишь. Это неспроста.

– Перестань, – сказал я. – Что за чушь? Ты что-то перепутал.

– Ты мне не веришь, – сокрушённо заметил Володя. – Пошли.

Он встал, схватил меня за руку и потащил по лестнице вниз. Лифтам он уже не доверял.

Мы зашли в небольшой магазинчик возле столовой, и Володя ткнул пальцем в витрину.

На витрине стояло огромное пенопластовое ведро, заклеенное сверху синей бумажкой с иероглифами. На ценнике было написано: "Сахар-песок, 20кг, 250 руб".

Я был сильно удивлён. Впрочем, чего только не придумаешь, чтобы сбыть свой товар. Однако Володя на этом не успокоился.

– Вот смотри, – сказал он. – С этой стороны край вроде как оплавлено. Видишь?

– Да.

– От чего?

– Ну мало ли. Может, у батареи стояло.

– А может быть, это влияние патологических изменений пространства?

Мне это надоело. Я собирался уже уйти, плюнув на ведро и Володю, но он меня удержал:

– Постой. У нас как раз песок кончился. Давай купим.

– Дорого же.

– Ну, за мой счёт. Ты только донеси.

– А ты сам не можешь?

– У меня ещё дела. В других магазинах.

Это все звучало чуть более здраво, чем предыдущие его реплики, поэтому я не стал возражать. Через мгновение Володя уже плюхнулся на пол передо мной это злосчастное ведро и, бросив:

– Только не деформируй. Я хочу замерить параметры, – куда-то исчез.

Я вздохнул и попытался поднять ведро за ручку. Ручка, разумеется, сразу же оторвалась. В местах отрыва ушек я увидел, что пенопласт, из которого сделано ведро, был тоненький – сантиметра полтора. Благо я ещё был в магазине, я сказал продавщице пару тёплых слов по этому поводу.

– А я при чём? – сказала она. – В Китай жалуйтесь.

– Действительно, – ответил я. – Извините.

Я попытался взять ведро за края. Пенопласт рвался и ломался. Тогда я присел, обхватил ведро руками и понёс, как идиот, перед собой.

До лифта добрался без особых приключений. Правда, по тихому шуршанию догадался, что где-то в ведре дырочка.

Женщина в очках и с пакетом – скорее всего, комендантша – спросила, на какой мне этаж.

– Шестнадцатый, пожалуйста.

Она нажала кнопку.

– Из вас песок сыплется, – сказала она.

– Это из ведра, – сказал я.

– Вы как со мной разговариваете? – она развернулась ко мне, изобразив заинтересованность в дальнейшем разговоре.

– Простите, – сказал я.

– Вы ж весь пол уже изгадили своим сахаром! Свиньи.

– Я уберу, – сказал я. У меня от ведра уже начинали ныть руки. – Вернусь, и уберу.

– Как же! – воскликнула женщина. – Уберёт он. Вон второй день в углу нарыгано – хоть бы кто убрал.

– Это не я. Честное слово.

– Как же! Всё вы, студенты.

К счастью, это был её этаж. А следующий – мой.

Я выбрался из лифта, сделал пару шагов и почувствовал, что ведро сейчас выскользнет у меня из рук. Я чуть-чуть подбросил его, чтобы обхватить пониже, и тут выяснилось, что ведро склеено из двух половинок. Шов моментально разошёлся, и на пол высыпалось сразу килограмма два. Я с силой сжал половинки ведра, отчаянно надеясь, что последние метров тридцать как-нибудь дотащу. А песок все сыпался и сыпался.

Я шёл быстро как только мог. Однако меня хватило ненадолго. То ли половинка соскользнула, то ли сжал я слишком сильно, но ведро с хрустом рассыпалось у дверей комнаты 16-31.

Мои ноги оказались по щиколотку засыпанными блестящим сахаром. Дверь комнаты раскрылась, и вышла светловолосая девушка в тёмно-жёлтой водолазке и спортивных штанах.

– Это что? – спросила она.

– Что, что! – неожиданно для себя выкрикнул я. – Ведро пенопластовое!

– А что вы орёте? – она тоже повысила голос. – Сами вы ведро! Навалили тут у меня под дверь и орёте.

– Я в следующий раз вам не того навалю! – заорал я. – Нельзя мимо пройти, сразу облают. Это ж вам песок, а не говно.

– Я не лаю, а говорю! Я вам не кобель, чтобы лаять. И не нужно мне вашего говна, у меня своего хватает!

– Ещё бы вы были кобель! Ну и подавитесь своим говном!

Она возмущённо выдохнула всё, что у неё было в лёгких, запрыгнула в комнату и заперла дверь.

Я разбежался и всем телом прыгнул на дверь. Двери в МГУ прочные, а вот косячок у неё явно подкачал. Я с явным удовлетворением проследил, как щепки осыпают её спину.

Она взвизгнула и начала орать:

– Я щас милицию позову! Раз кобель, так всё можно! И срёшь-то сахаром! Щас твоя харя разлетится, как эта дверь!

Я тоже орал:

– Чем хочу, тем и сру! Сама сука! Ну, посмотрим, чья харя...

Я уже замахнулся, но лицо было портить жаль, да и руку мою она в воздухе перехватила.

– Стойте! – сказал я. – Давайте так: сначала послушайте меня, пожалуйста.

Она раскрыла рот, но сдержалась и просто сказала:

– Ну-ну.

Мы опустили руки. Я приземлился на табуретку, почему-то оказавшуюся у неё в предбаннике, поджал под себя ноги и несколько возбуждённо заговорил:

– Мой сосед по комнате сошёл с ума. Он сказал, что скоро конец света, потому что в магазине продают пенопластовые ведра с сахарным песком. Я не поверил, и он меня потащил туда. Действительно, стоит ведро...

Она молча слушала, несколько приблизившись ко мне. Я сел на корточки.

– Китайцы, мать их... – продолжил я. – Двадцать килограммов. А у него скоро экзамен. Последняя пересдача. Так что я ведро домой понёс. Ручка, конечно, оторвалась. А в лифте какая-то дура вроде вас... простите... Короче, женщина какая-то ругается. Говорит, что я обрыгал весь лифт. А это неправда, потому что я блюю всегда в раковину.

Моё колено почему-то упёрлось в её лобок.

– Ну кто будет класть двадцать килограмм сыпучего продукта в пенопластовое ведро с бумажной крышечкой? Ну, нёс я, нёс...

Она обхватила мою нижнюю губу пухлыми своими.

– А оно раykleилось... – промычал я, но понял, что вроде дальше рассказывать не нужно.

Через мгновение мы оказались в комнате, и я уже сдирал с неё водолазку, а она нашарила левой рукой презерватив в щели между матрацем и спинкой. Замочек на бюстгальтере оторвался... ну и фиг с ним... Теперь время поцелуев и ласк...

Как я мог не заметить, что она такая красивая... Левая грудь... Правая грудь... Ложбинка между ними... Родинка... Пупок... Ну да, пупок ведь я тогда под водолазкой не видел...

Её кожа, белая, гладкая, податливая, как сгущённое молоко, трепетала под моими ладонями и пальцами... Её рука стаскивала с меня трусы, готовые лопнуть от напряжения. Вот так... Вот так... Благословен будь изобретатель латекса за то, что сквозь эти тонкие стенки можно так чувствовать... О Боже мой... Её глаза, и губы... О Боже мой... Вот ведь китайцы с этим их ведром... О Боже мой... С неё упало последнее, что на ней было – резинка для волос, и они распластались по какому-то учебнику, лежащему у неё под головой... Вот так... Вот так... Вот так... Всё... Ну, ещё... ещё...

...Она приподнялась на локте и отбросила в сторону книжку.

– Чуть шею не сломала, – сказала она.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Аня.

– А меня Костя, – при этих словах меня словно бы ударило током. – Чёрт! Да я же тебя знаю! Мы с тобой как-то в кино ходили.

– Хотели сходить, – поправила Аня. – Только у тебя денег не было.

– Так... Где мои штаны? Смотри – сейчас на кино хватит.

Пойдём?

– Пойдём, – сказала Аня. – Но сначала возьми совок и веник.

Совместными усилиями мы переместили весь сахар с первого и шестнадцатого этажа, а также из лифта, в канализацию. Пару раз нам по дороге попался Володя в ластах и маске для подводного плавания.

Короче говоря, часа в три мы наконец-то вышли на улицу. Я обнял Аню за талию и поцеловал в щёку возле розового наушника.

– А ты классно выглядишь зимой, – сказал я. – Куда пойдём?

– Не знаю, – сказала Аня. – Для начала к метро. Смотри, какое красное Солнце.

Солнце палило нещадно. Снег покрывался черными дырами и быстро утекал, куда только мог. Мы сбросили с себя шкуры искусственных животных и побрели в сторону метро. А за нами яркими факелами вспыхивали здания, автомобили и деревья...

– Что будем смотреть? – спросила Аня.

– "Армагеддон" смотрела? – спросил я.

– Нет.

– Давай посмотрим. Наверняка где-то идёт.

И мы спустились в полыхающее оранжевыми сполохами метро. И помчались вглубь бесконечного чёрного тоннеля. И сказал я, что это хорошо. Потому что знал, что Аня возле моего плеча тоже так думает.

15:09 09.01.1999

Звёздная дурь

– *Ходжа, почему ты забрался на верблюда?*

Ведь раньше ты ездил на ишаке.

– *Я хочу возвыситься.*

Из рассказов о Ходже Насреддине.

I

Тусклый светильник гудел и метал в потолок искры. В зале было душно. Белые стулья для почётных гостей мелко тряслись – вибрация успокаивала нервы.

Председательствующий попыхтел, испустил несколько клубов дыма и произнёс важно, процеживая каждое слово сквозь частокол прекрасных гнилых зубов:

– Клянусь всеми нашими собравшимися господами и господинками, что мы все-таки здесь собрались! Кто-нибудь хочет высказаться по поводу или сказать что-нибудь?

Зал захихикал и дважды простонал букву "з".

– Я разделяю ваше одобрение! – радостно вскричал председатель. – И хочу сказать, что знать не хочу, что тут можно хотеть сказать ещё. Повод для причины простой, как любое гениальное яйцо, и выеденной яйцы не стоит. Смею потому надеяться, что единодушие ваше станет всеобъемлющим и будет таковым на протяжении. Итак, я вопрошаю: "Доколе?" Собственно, вопрос в том, до каких пор. И состоит он тоже в этом. Итак, я вопрошаю второй раз: "Доколе же оно так?", подразумевая, что это так больше не может продолжаться, хотя и продолжается некоторый уже промежуток времени, большой довольно. Итак, я посмею спросить раз и в третий, попытаюсь вывести из себя и донести до вас сокровенный смысл вопроса: "Может ли более длиться эксперимент, заключающийся по созданию и изучению наших подобий и созданных с целью изучения созданий?" То бишь: создав центр по изучению, мы предполагаем изучать, а не изучая, и оно создание предвосхищено быть лишённым смысла. Мы ждали, пока планета Ёрз окрепнет. Что же? Ничего. Как вы относитесь к этому, господа и господинки? Прошу докладывать.

Докладчик Сокровенного Форума Левых Знаний. Вы все, кто смотрите на меня так, абсолютно правы. Мы действительно производим пищу – для вас и для ваших кухонных комбайнов. Чем более мы потребляем, тем более нужно наше существование, неверно же обратное, ибо идя в лес за дровами, не забудьте взять спички, дабы согреть своё тело в случае экстремальной ситуации. Все в порядке у нас с лесами, уверяю вас – лесов у нас не было и нет, но если кто из вас захочет стать лесом, то не встретит возражений с моей стороны. Если же посмотреть с противоположного зрения, то и самоё оно представляется весьма противным. Например: пища она и есть пища, пока её не съешь. И, подводя итог моей долгой ретирате, я вынужден сказать: "вот".

Докладчик, Ответственный за Брожение Умов. Я не столь красноречив, чтоб состязаться. Скажу просто: нет. Я тоже ведь оно. И даже если, то ничего не скажешь. Пища, конечно, хорошо, но не человек хлебом единым. Какой же он единый, этот хлеб? И какой же я человек? У меня всё, милые господиночки. А господа и так знают, что всё.

Докладчик от Внешних Сношений. Я не помню, здоровался ли я уже с этим залом, и поэтому не нахожу этого делать. Вы говорите: скандалы и кандалы. Я в этого согласен до самой конечности. Ведь трамвай, как уверенно подметил первый докладчик, он и есть трамвай, пока он не ездит. Кандалы готовить надо летом, и только после телеги, а скандалы нам не нужны, но его не убегёшь, поелику он уже скандалит. Что же касемо до и после приёма пищи, то это

мы всегда и справим всё по чину и без имени, и спросите у кого угодно: "Доколе?", любой вам прямо скажет: "Не знаю".

Председательствующий (стучит по тумбочке пальцем и громко шуршит пачками денег). Я прослушал столь различные гости и пришёл к выводу, что решение принять уже не поздно и, можно сказать, в самую тютельку нужно. Я решение принимаю: необходимо прибытие субъекта с Ёрза, потому что – как я заключил из ваших сообщений – положение дел весьма заставляет желать, и желания наши преступны. Не будем же впадать и возрапывать, а возьмём бразды и оценим плод свой.

2

Мы копали кольцевой тоннель для новой, третьей очереди Обнинского мезонно-нейтринного ускорителя. Вскоре после обеденного перерыва я обнаружил, что у моей лопаты сломался секундомер. Пришлось идти в инструментальный склад и просить новую.

Когда я уже вышел из инструменталки с новой лопатой в руках, мне встретился мой непосредственный начальник, Сергей Сергеевич Фролов.

– О! – сказал он. – Володя? Тебя-то я и ищу. Там по твою душу пришли два гражданина – не пойму, откуда. Может, просто знакомые твои, а может из министерства. Поди разберись. Я ничего не понял, но покорно погасил запал в черенке лопаты и отправился разбираться.

Около будочки сторожа действительно топтались двое.

– Володя? – спросил один.

– Володимир? – уточнил второй.

Я окинул их оценивающим взглядом. Выглядели они совершенно не так, как должны были выглядеть люди из министерства: большие уши, рты с огромным, я бы сказал, нечеловеческим количеством зубов, и одежда из ткани, напоминающей многократно использованную наждачную бумагу.

– Я Володя, – ответил я. – А что вы хотите?

– Поишалы, – предложил один.

– Эх, прокачу, – спокойно, с утвердительной интонацией произнёс второй.

– Э, нет, – замахал я руками. – Никуда я не поеду. У меня там лопата во взведённом состоянии. ещё выстрелит ненароком, пока я с вами гуляю.

– Быстро, – сказал один.

– Одна нога тут, а здесь вторая, – согласился другой.

– Да кто вы вообще такие? – возмутился я их непреклонности.

– Поишалы, – сказал первый.

– Эх, прокачу, – упорно бубнил второй.

Вокруг меня закружился воздух. Я посмотрел в их лица и вдруг понял, что это не люди. Ну разве бывают люди с такими косыми глазами?

– Поишалы! – услышал я сквозь бесившийся вокруг смерч.

– Даю форсаж, – ответил второй.

Раздался звук громкого чиха. Нас с головы до ног окатило линейным пространством, и, когда я более или менее очухался, меня окружало огромное сборище странноватых существ...

Их голоса представляли из себя ровный гул, и я только спустя некоторое время стал понимать, что говорят-то они обо мне...

3

Господинка Гвендолини, представитель оценочно-развесочной комиссии. Мы видим тут субъекта. Субъект этот имеет некоторые параметры, изложить которые нижеследующим обра-

зом я предполагаю ниже. Очевидно и ухослышно, что означенный субъект не отнюдь символизирует новое поколение подобных нам существ. Взять хотя бы его ногу. Или руку. Или другую ногу. И все эти конечности у него тёплые, тогда как у нас они всего лишь имеют определенную температуру. Желаящие могут пощупать данного субъекта и тщательно убедиться в моей его справедливости. Более того – рост данного субъекта в холке составляет около шестидесяти сантиметров в единицах планеты Ёрз. Наш же рост в выпрямленном положении гораздо больше, чем рост данного субъекта на четвереньках. Далее. У субъекта во рту находится 32 зуба, тогда как у нас – шестнадцать плюс шестнадцать. Итак, я делаю однозначный вывод: перед нами действительно субъект, и сомнений в этом может не быть.

Докладчик от Философско-Арматурного завода. Добро пожаловать, господа! В том смысле, что я не понял, к чему это я. Вопрос, если он поставлен правильно, заключается в сравнении стоящего перед нами существа с тем, что нам нужно. И вот оно стоит, и мы его сравниваем. Что же дальше? М-да. Я думаю, всякий со мной согласится, если я скажу: нет, нет и нет. Поясню на примере. Взять, скажем, два подобных треугольника. Вот вы их крутите-вертите, а всё без толку. Всё, понимаете ли, никак. А вы возьмите бумажку, ткните их туды-сюды, и всё станет ясно. "Вот, – скажете. – Действительно". Так и тут. А то стоит он, видите ли. Хоть десять минут стой, а более подобным не станешь. Это ведь гомотетия, господа!

Докладчик от Третьей Триады. Мы ведь достигли уже лечения заболеваний. А он? Тьфу! У нас – вона! – стулья летают. А это вы кого притащили? Мы – это самое... А он глазами моргает. Ну что тут поделаешь?

Председатель. Может, ему слово дать?

Голоса из зала. Дать! Дать!

Председатель. Ну, пусть берет.

4

Перед моим носом закачался микрофон. Я чихнул – почти так же громко, как форсажный клапан хронофора, на котором меня доставили сюда. Где-то в ушах пронёсся голос Председателя: "Ну что это такое... Перед высоким собранием – и чихать не пойми кого..."

Я ухватил микрофон за пимпочку и заговорил:

– Кхм... Если я правильно понял, вы сравнить меня с собой хотите. Что ж... Наша земная цивилизация шлёт вашу цивилизацию... Большой привет, так сказать.

Я вдруг понял, что не знаю, что говорить дальше, и испуганно оглядел зал.

– Это... ну как его... у вас четыре ноги, и у меня две руки и две ноги... У вас по одной голове на брата, и у меня дома брат один остался...

– Ваше время истекло! – взревел Председатель.

Микрофон рассыпался у меня в руках.

5

Председатель. Итак, я выношу. Все вы и сами видите всё, но должен же я немножко постоять и подытожить. Не похож этот Володимир на любого нашего Володимира? Не похож. Хотели, чтоб был похож? Хотели. Вот и всё. Что же делать... Пусть живут. Хе-хе. А про большой привет очень складно. Кто-нибудь понял, что он сказал? Я тоже – нет. Ну-ну, людишки с этой Ёрзы... В смысле, давайте-давайте... Ну, значит, решение:

1. На протяжении всего последующего времени, следующего за временем предыдущим, считать планету Ёрз действительно объектом.

2. Володимира считать действительно Володимиром, и потому эксперимент признать неудачным.

3. Приняв во внимание отсутствие какого-либо сходства между нами и ними, вернуть Володимира на Ёрзу и пусть его там.

4. Плюнуть на всё и объявить обеденный перерыв.

6

Хронофор нёсся над засеянными полями, ледяными торосами и львиными гривами... Подо мной мелькнул ярко-оранжевый цилиндр, уходящий вдаль, за горизонт... В этот момент меня сбросили.

– Поихалы! – крикнул на прощание первый.

– Варлодиммммир... – добавил второй.

Я упал в жидкую грязь возле инструменталки.

– Привет, – сказал подошедший Фролов. – Ты из министерства?

– Умгу, – ответил я, сплюнув попавшую в рот грязь. – А как там моя лопата?

– Ты б ещё полгода где-то шатался, – сказал Фролов. – Давным-давно к другому переметнулась. Видел новую очередь?

– Какую очередь?

– Ты что, с неба свалился? Мы четвёртую очередь ускорителя строим.

– А третья?

– Третья закончена давно. Надежд, можно сказать, не оправдала. Поускоряли десятка два мезонов, и скучно стало. Зато четвёртый ускоритель – это да!

– Что, большой?

– Он всю Землю опояшет. Длина – 39 тысяч километров. Уж там как разгоним какую нейтрину да как бабахнем...

Я включил телевизор в браслете своих часов. Транслировали какое-то заседание.

– Да, – сказал я. – Бабахнем...

А про себя подумал, что осматривавшие меня господа и господинки немного ошибались. Не так уж мы на них и непохожи.

Над моей головой летела стая металлических птиц.

Дом Дюймовочки

*Нежней, чем смерть, обманчивей и горче.
Черубина де Габриах.*

I

Горин выбирался из леса уже четыре часа. Ноги заплетались и постоянно цеплялись за какие-то корни. Горин чертыхался и был уже давно уверен, что трижды сдохнет, прежде чем вернётся домой.

То, что он заблудился в знакомом лесу, было просто непостижимо, и Горин видел в этом мистический знак – тут-то, мол, и конец тебе придёт. Он ходил по этим местам уже, наверно, в сотый раз, и знал все полянки, где можно было найти грибы. Впрочем, и те, где искать их не стоило.

И вот он, измотавшийся, потерявший веру в себя, с двумя сыроежками в корзине (ну что за издевательство!) – плетётся из последних сил по абсолютно ничего не напоминающему лесу и все отчётливее осознает, что этого не может быть.

С одной стороны – железная дорога. С другой – шоссе. С третьей – речка. Горин не мог выйти из этого треугольника, и обязан был, двигаясь более или менее прямолинейно, попасть к одной из его сторон. Этого не случилось. Значит, он либо ходил кругами, либо... Либо происходило вообще чёрт знает что.

Перед Гориным вырос пенёк. Глаза уже устали от мелькания веток, сухих листьев и мха, поэтому все предметы Горин замечал совершенно внезапно, когда они вдруг выплывали из этой сумятицы.

Пню Горин обрадовался. Можно было сесть и вытянуть задеревеневшие от изнеможения ноги.

– Ничего не понимаю, – бормотал он. – Вот муравейник... Вот дерево... Всё время иду на северо-запад... Ничего не понимаю.

А в вершинах деревьев гудел ветер, и по небу плыли драные серые облака.

II

Горину было жаль самого себя. Он один в этом кошмарном лесу, который норовит уколоть веткой, схватить своим щупальцем за ногу, заставить заблудиться в трёх соснах и заживо похоронить внутри себя.

Горин представил себе человека – ну, скажем, девушку, которая вдруг подошла бы к нему и сказала:

– Ну вот, Владимир Константинович. Я так и знала, что вы заблудитесь. Специально пришла вас найти и помочь.

Но вокруг только шумел лес. К тому же начинало холодать. Горину хотелось примёрзнуть к этому пню и умереть. Может быть, если бы он в понедельник не вышел на работу, о нём бы вспомнили, потом забеспокоились, потом отправились на поиски – знают ведь, что он заядлый грибник...

– Нет, – процедил Горин, – не вспомнят. Хоть месяц не появляйся – никто не заметит. Кому я там нужен?

Под словом "там" Горин подразумевал не только работу, но и весь мир за пределами этого фантастического леса. Мир, который теперь уже представлялся ему недостижимым.

Горину уже было всё равно. Он уже просто сидел на пне. Мёрз. И глядел в постепенно чернеющее небо.

III

Ночь окутала его своим ледяным, шуршащим и пугающим чёрным одеялом. Горину хотелось разорвать ночь – хотя бы криком или стоном, хотелось напомнить миру, что он ещё жив, хотя и почти превратился в сосульку...

Вокруг не было видно ничего, кроме смутных сероватых теней. Горин пристально вглядывался в них, ища какого-то тайного смысла. И вдруг ему показалось, что с одной из сторон доносится тихий протяжный звук. Нет, кажется, даже мелодия...

Горин уже не сказал: "Не может быть", потому что ничего из того, что с ним происходило, быть не могло. Он просто вскочил и зашагал туда, откуда была чуть слышна эта музыка. Зашагал, выставив вперёд руки, чтобы не наткнуться лбом на дерево.

Музыка вроде бы стихла. Горин в испуге замер и прислушался. Вот снова зазвучала, в той же стороне. Горин пошёл быстрее, обо что-то непрерывно спотыкаясь... Музыка стала громче.

И вдруг Горин понял, что стоит перед стеной.

Это был сруб бревенчатого дома. Горин вцепился в него пальцами, не в силах поверить. Это была соломинка, за которую хватается утопающий. Единственный ощутимый, реальный, настоящий объект в этом проклятом фантастическом мире.

Горин на ощупь побрёл вдоль стены и нашёл дверь. Постучался. Потом понял, что открыто, и ввалился внутрь.

IV

Роз-то, роз! Тюльпанов, лилий, гладиолусов! Шёлка, атласа, бархата! И свет, и музыка со всех сторон!

У Горина закружилась голова от благоухания и радости. А ещё больше – от контраста между цветочным раем, куда он попал, и оставленным позади лесом, полным чёрного холода.

Горин прикоснулся к розовой шёлковой занавеси. Это был не сон. Горин улыбнулся. Зал был огромным, и конец его терялся в каких-то ветках, усыпанных цветами и яблоками. А также другими, более экзотическими фруктами.

– Есть кто дома? – спросил Горин.

Никто не ответил. Горин разулся, оставшись в носках, снял куртку и повесил её на проходящую над головой причудливую ветвь. Прошёл по мягкому ковру. Подивился на свет, пробивающийся со всех сторон словно бы сквозь стены. Огляделся. И, решив, что ничего страшного от этого не случится, сорвал с одного из небольших деревьев яблоко. Откусил. Вкус был божественный.

Горин опустился на край обитого синим бархатом дивана. И откинулся на спинку, упиваясь блаженством, проникающим в него сразу через все органы чувств...

Потом вдруг ощутил, что его кто-то легонько тронул за мизинец.

Возле Горина, поджав под себя ноги, сидела белокурая симпатичная девушка ростом сантиметров в пять.

V

На ней было платье, сшитое из нескольких розовых лепестков. Она смотрела в глаза Горину и что-то шелестела губами. Горин улыбнулся и протянул к ней руку. Она вздрогнула и сжалась в комок.

– Надо же, – сказал он, – Дюймовочка. Как в сказке.

Она ответила улыбкой – видимо, поняла его слова. И показала пальцем на недоеденное яблоко, которое Горин держал в руке. Горин достал из кармана складной нож, вырезал из яблока маленький конусообразный кусочек и подал Дюймовочке. Та взяла его обеими руками и с кончика начала есть.

Горин смотрел на неё и любовался. Пышные золотистые волосы, тоненькие пальчики, белые босые ножки и живые, блестящие точки-глаза... Дюймовочка оторвалась от яблока и что-то снова сказала – так тихо, что Горин не смог ничего расслышать. Потом выставила большой палец вверх – яблоко ей понравилось.

– Бедняжка, – сказал Горин. – Как же ты тут такая живёшь?

Он подумал, что Дюймовочке яблоко достать ох как трудно, да и кожицу толстую прогрызть...

Горин осторожно коснулся её спины, погладил пальцем. Дюймовочка улыбалась, но чувствовалось, что она боится его – великана, который неожиданно пришёл из чёрного мира.

И Горин вдруг понял – ему не хочется отсюда уходить. Он останется здесь, чтобы кормить Дюймовочку, заботиться о ней, оберегать...

И тут Дюймовочка вскрикнула, выронив яблоко из рук. Она вскочила и побежала к подлокотнику дивана. Горин обернулся. Внизу, глядя на него огромными жёлтыми глазами, сидел зверёк, похожий на крысу и кошку одновременно.

Горин резким движением схватил его за длинное остренькое ухо. Зверёк попытался вырваться, потом рухнул на спину и начал быстро царапать когтями передних лап пальцы Горина. Горин почувствовал омерзение.

От зверька воняло чем-то вроде тухлой рыбы. Шерсть его была мокрой и спутанной.

Горин сжал левый кулак и с силой ударил зверька по голове. Голова хрустнула, и из неё потекла жёлтая жижа. Горин с содроганием вытер руки о кисейное покрывальце на спинке дивана и взглянул на Дюймовочку. Она, пошатываясь, приблизилась и, обхватив руками запястье Горина, прижалась к нему.

Горин обнял её ладонью и почувствовал, как дрожит её маленькое, тёпленькое тельце.

– Ничего, – сказал он, – ничего... Всё прошло, не бойся.

Он огляделся вокруг.

– Домик бы тебе построить...

VI

Горин уже давно потерял счёт времени. Ему было хорошо здесь.

Каждый день начинался с того, что Дюймовочка выходила из своего крохотного домика, который соорудил ей Горин из листьев, лиан и кусочков дерева, говорила Горину "Доброе утро" (а он уже научился разбирать её слова), и они шли гулять. Горин сажал её к себе на плечо, а иногда на голову, и шагал к ручью. Там он снимал Дюймовочку на землю, она раздевалась (при этом Горин неизменно краснел) и входила в воду. Потом начинала мыться и плескаться, в чём Горин тоже принимал живое участие. Потом давала ему малюсенькую мочалочку и мыльце, и Горин двумя пальцами тёр ей спину.

После всего этого Дюймовочка ела фрукты, пила воду, нюхала цветы, лазала по деревьям (с помощью огромных рук Горина, которые доставляли её на любую желаемую ветку), а потом они возвращались, и Горин, поместив Дюймовочку в домик и приказав не высовывать носа наружу, чтобы чего не случилось, отправлялся на рыбалку или на охоту.

Потом долго и мучительно разводил огонь при помощи трёх палочек и готовил обед.

Вечер был обычно временем всяческой болтовни.

Дюймовочка что-то рассказывала об эльфах, феях и волшебниках, но Горин мало что понимал, а когда спрашивал, как Дюймовочка попала сюда, не получал вразумительного ответа.

Иногда на неё нападала тоска. Дюймовочка долго и печально глядела на Горина, потом, если он её пытался как-то развеселить, вдруг просила оставить её в покое и уходила в домик.

Горин чувствовал за всем этим что-то недоброе, боялся таких периодов её плохого настроения, но никогда не выпрашивал у Дюймовочки об их причине, и она, похоже, была за это ему благодарна.

И вдруг, когда Горин уже привык ко всему этому и не желал ничего иного, случилось...

Утром одного дня, в тот час, когда Дюймовочка обычно вставала, Горин подошёл к её домику и стал ждать. Но ничего не происходило, и дверь домика оставалась закрытой. Горин подумал, что Дюймовочка просто заспалась, но прошёл час, другой...

И тогда он заметил возле окошечка маленький кусочек древесной коры, прислонённый к стене.

Он взял его в руку, повертел и разглядел вдруг процарапанные на нём маленькие буквы. Послание было коротким:

"Я уйду. Это когда-то должно было случиться. Ты полюбил меня и положил конец заклятию, которым заколдовал меня злой маг Уррен Гой. Ты разрушил чары ценой собственных страданий – должно быть, ты ещё не понимаешь, о чём речь, но поймёшь, когда выглянешь, за дверь. Спасибо тебе за все и попытайся меня понять. Прощай.

Твоя Дюймовочка".

Горин ничего не понял. Он метнулся к двери. Она была приоткрыта ровно настолько, чтобы Дюймовочка могла выскользнуть через щель. Горин распахнул дверь. У него перехватило дыхание. Внизу, едва доходя ему до пояса, колыхалось зелёное море леса. В нескольких шагах впереди виднелся игрушечный город. Дом Дюймовочки вырос. Вырос вместе со всем, что было внутри.

Горин бросился вперёд, ломая палочки-деревья, и увидел, как испуганные люди на узенькой серой дороге бегут прочь. Машины сталкивались, раздавался чей-то тоненький визг...

Горин схватился рукой за лоб и кинулся в дом...

Он рыдал, сжав в руке кусочек коры с посланием Дюймовочки. Он вдруг вскакивал и начинал рвать занавеси, лианы, сокрушать ветви деревьев. Мир снова стал враждебным ему. Единственное существо, которое было ему дорого, его предало.

И он хотел бежать по миру, крушить города и топтать людей, разбрасывать камни и ломать мачты ЛЭП.

Но он этого не сделал. Он просто почувствовал себя жалким, никчёмным и непомерно большим для этого хрупкого мира.

Он лёг на диван и заснул.

И снилось ему, что к нему вернулась Дюймовочка, и что она теперь тоже любит его, и что они постепенно становятся одного роста, и что выходят на улицу, и что люди расступаются перед ними, удивляясь всемогуществу их любви, и...

VII

Что-то взорвалось возле самого уха Горина. Он вскочил. На ковре стояла пушечка, смотрящая стволом в его сторону. Возле неё суетились маленькие человечки.

Один, железный, вышел вперёд с мегафоном в руках, и сказал:

– Мы имеем лицензию на отстрел одного великана в квартал. Другие великаны есть?

– Нет, – ответил Горин, – но послушайте... Может быть, как-нибудь потом... Сами посудите – на кого вы будете охотиться в следующем квартале?

Железный человек громко захохотал.

– Га-га-га! Надо будет подумать. Мужики, пли!

Горин почувствовал резкую боль в животе. Он уже падал на спину, хороня под собой маленький домик, в котором недавно жила Дюймовочка. В его ушах навсегда застыл мерзкий железный смех:

– Га-га-га!

А где-то там, снаружи, гудел ветер, и по небу плыли драные серые облака.

Даун

Даун – большой город. В нём интересно спать. Особенно на верхних этажах, конечно. Вокруг и внизу на много миль – жёлтые и оранжевые огни, насквозь пропитанные теплом тех людей, которые их зажгли.

Ты покоишься над ними, зарывшись по самый нос в своё чёрное одеяло, и чувствуешь себя в сердце мира. Может быть, это было бы правдой, если бы у мира было сердце. Но миру не нужны никакие насосы. Его пёстрая кровь сама бежит по жилам, куда ей вздумается. Год за годом, месяц за месяцем...

Чарли, пожалуй, тоже бы с удовольствием заснул, но его беспокоила собака. Он жил на четвёртом этаже в маленькой квартирке, потому что не хотел ничего другого. Ему нравился этот город, и особенно нравилось в нём НЕ УЧАСТВОВАТЬ. Он сидел в кресле, курил сигарету за сигаретой и думал ни о чём, потому что, если начать думать о чём-то конкретном, мысли всё равно вернутся к собаке.

Он чувствовал, что хочет спать, и понимал, что всё равно заснёт, потому что сильно устал, но собака заставляла его тянуть время. Она была где-то рядом, это точно.

Чарли, почти не меняя позы, нажал кнопку на пульте и включил телевизор.

– Сегодня утром на площади Героев наверняка соберётся много людей. Знаменитый Соломон Малахай, известный как Резиновый Человек, совершит свой очередной прыжок с небоскрёба Даймонд Стик.

На экране появилось лицо худощавого мужчины лет тридцати в футболке с эмблемой "Пепси". Чарли брезгливо поморщился.

– Первый раз я прыгнул с небоскрёба в восемнадцать лет, после размолвки с любимой девушкой, – говорил Малахай. – Я остался жив и почти невредим, так что моё имя напечатали чуть ли не все газеты в мире. Однако прошло несколько недель, и обо мне снова забыли. Тогда я прыгнул во второй раз, и также не пострадал, если не считать парочки царапин. Это заставило говорить о феномене, и популярность продолжалась дольше.

Короче говоря, теперь я прыгаю с крыши Даймонд Стик дважды в год, и мне это нравится.

– Но как вам удаётся выживать, падая с высоты в двести метров на бетонную плиту?

– Трудно сказать. Я веду обычный образ жизни, разве что пью очень много "Пепси".

– А сколько платит вам за рекламу компания "Пепсико"?

– Признаться, не ожидал от вас такого неэтичного вопроса. Скажем, больше четырёхсот пятидесяти тысяч за прыжок, но меньше пятисот пятидесяти.

– Можно ли ваш ответ понимать как "Пятьсот тысяч долларов"?

– Без комментариев.

– Дегенерат, – процедил сквозь зубы Чарли и переключил канал. Шло что-то о животных. По пустыне скакало стадо диких лошадей. Снимали, похоже, с большого расстояния, потому что Чарли никак не мог разглядеть морды.

Лошади пронеслись куда-то вправо, и пейзаж опустел.

Солнце стало быстро сползать к горизонту. Откуда-то повеяло сухим, но прохладным воздухом. Чарли подошёл к выходу из каменной беседки и понюхал ветер. Пахло жареными орехами. Чарли понимал, что это значит. Значит, лошади не напрасно торопились за горизонт.

Чарли снял очки и протёр их мятым носовым платком. Пока его мысли не парализовало страхом, нужно было срочно что-то придумать. Местность открытая. Спрятаться негде. Чарли огляделся. В песке рядом с беседкой зияли глубокие чёрные дыры – что-то вроде могил.

– Слава Богу, – прошептал Чарли, и, подойдя к ближайшей яме, спрыгнул на дно. Под ногами хрустнули металлические консервные банки, укрытые брезентом. Чарли подошёл к краю и осторожно выглянул наружу.

Солнце перестало опускаться вниз, и над землёй зависли лёгкие сумерки. Где-то далеко, километра за полтора от горизонта, внезапно вырос лес. Деревья шевелились так сильно, что это было заметно даже отсюда. А сквозь деревья просвечивало небольшое белое пятно.

Чарли присел, пробрался в угол и забился под край брезента. Сердце стало колотиться всё чаще. Чарли начал считать его удары, чтобы успокоиться, но вскоре так разволновался от самого этого счета, что удары слились в один непрерывный гул.

Запах жареного арахиса проник в нос и уши, и голова стала влажной изнутри. Чарли пытался дышать ртом, но у него так стучали зубы, что он боялся откусить себе язык, и дышать у него совсем не получалось.

Снаружи было очень тихо. Даже шум моторных лодок, который Чарли обычно слышал за окном своей квартиры, куда-то исчез.

– Всё правильно, – подумал Чарли, – в пустыне не катаются на водных лыжах.

Он вдруг понял, что ему стало легче. Ведь это же не Даун. Он же просто заснул за телевизором, и теперь видит сон. В Дауне он бы обязательно услышал шум моторок, или гудки больших судов, или почуял бы бриз с океана...

Куда подевалась собака? Чарли приостановил на мгновение мысли и попытался прийти в себя. Если бы собака хотела его найти, она добралась бы до него несколько минут назад. Но её нет, а значит, она идёт совсем в другую сторону.

Ну да, за лошадьми. Почему какой-то несчастный Чарли Зайцман должен волновать собаку сильнее, чем стадо толстых, вкусных лошадей?

Чарли подполз к краю и встал. Собака стояла в двадцати метрах от него и смотрела в его сторону. Её грязно-белая шерсть свисала с брюха и морды неровными клочьями, а кое-где виднелась оголённая синюшная кожа. Собака стояла неподвижно, как зловещее изваяние, опираясь на толстые лапы, похожие на кривые волосатые столбы. Её голову, зависшую на высоте метров трёх, венчала серая облезлая грива, а в ушах блестели серьги с огромными бриллиантами. По её белым зубам медленно стекала жёлтая слюна, и от неё песок внизу стал влажным и дымящимся. Её глаза – два близко посаженных жёлтых овала – глядели на Чарли не мигая, и в их глубине он видел отражение своего лица. Собака пошевелила по очереди обеими ноздрями и раскрыла пасть. Зубы разного калибра и оттенка покрывали изнутри обе челюсти без всякого порядка. Похоже, она просто зевала.

Собака начала двигаться к нему. Это происходило медленно – она, видимо, путалась в своих четырёх лапах, и ей приходилось долго думать, какую переставлять. Чарли попытался и, споткнувшись о какой-то ящик, опрокинулся навзничь. Голова со звоном ударилась о консервную банку.

"В прошлый раз я от этого проснулся" – вспомнил Чарли и приготовился очутиться у себя дома, в комнате, с пультом в руке. Но, как это ни странно, он продолжал находиться в яме, а консервные банки никак не хотели превращаться в драное кресло.

Чарли попробовал приподняться. Раскатившиеся по банкам позвонки захрустели и испустили мощную волну боли по всему телу. Он встал, и, покачиваясь, повернулся в сторону собаки.

Их морды встретились лицом к лицу. И пока Чарли соображал, чьё лицо – морда, пасть собаки раскрылась и вцепилась зубами в его шею. Чарли почувствовал, как его ноги отрываются от земли, и он взмывает в воздух. Собака на мгновение ослабила челюсти, а затем снова стиснула их, и Чарли увидел, как его голова отрывается от тела и летит вниз, на песок.

Чарли тоже упал, но немного дальше от собаки. Он попытался руками остановить кровь, фонтаном брызнувшую из шеи, но куда там – она лилась из него струей толщиной с бревно, и

не хотела кончаться. Чарли увидел, как собака склонилась над его головой и стала флегматично жевать нос. Он понял, что это его шанс. Он вскочил на ноги и побежал на восток. Его ноги работали как шатуны паровоза, а кровь была паром, рвущимся из трубы. Он бежал до тех пор, пока не увидел впереди стадо скачущих прочь лошадей.

– Эй, – крикнул он. – Стойте! Не бросайте меня здесь!

Но что-то в горле захрипело. Чарли понял, что захлёбывается. Ноги подкосились, и он оказался на песке. Тут же сверху на него рухнула собака, и её лапа в два размаха разодрала ему грудь.

Чарли хотел что-то сказать, но вспомнил, что ему откусили голову, и начал биться в предсмертных конвульсиях, забрызгивая липким потом морду собаки, которая возвышалась над ним, повизгивая и хохоча.

Чарли открыл глаза. Телевизор уже выключился. За окном начиналось утро, пока ещё похожее на ночь. С океана донёсся пронзительный гудок корабля.

Чарли встал. Сегодня была суббота. Он не работает. Можно пойти развеяться.

Сегодня определенно был необычный день. Сон как рукой сняло, стоило только разлепить веки. Обычно же до обеда Чарли находился в бреду, и ему на всех углах чудился жареный арахис.

– Ничего, – подумал вслух Чарли. – Когда "Майкрософт" оплатит мне моральный ущерб и судебные издержки, схожу к хорошему психоаналитику.

Сейчас он работал в маленькой программистской шарашке, где писали компьютерные игры. Во всяком случае, на этой работе он чувствовал себя человеком, и кое-что из их продуктов пользовалось популярностью. Короче, всё было бы нормально, если бы не собака.

Чарли одел майку и штаны, зашёл в ванную и немного поводит щёткой по зубам. Бриться сегодня и вовсе было ни к чему, так что он зевнул и спустился на улицу.

Он долгое время брёл наугад, но потом задумался о конечной цели маршрута и нечаянно врезался в пьедестал. В Дауне, похоже, памятников и мемориальных досок было больше, чем живых людей. Хотя последних, конечно, тоже больше. А вообще, пожалуй, можно было отправиться к Борису Пушкину, который жил совсем неподалёку.

Путь Чарли лежал через огромный парк. Было как никогда безлюдно, но Чарли совершенно не обратил на это внимания, поскольку задумался о том, как пишется его имя по-русски. Когда-то Борис пытался его учить русскому языку, но единственное, что Чарли запомнил: "Чю, щю – пишутся с буквой "ю"". Насчёт "чя, щя" его мнения разделились.

Размышления Чарли были прерваны смутным ощущением, что с ним что-то не так. Он явно ощутил себя в какой-то нереальной обстановке, словно ещё не проснулся.

Он ущипнул себя за руку. Потом за другую. Потом, озадаченный, спустился к пруду и посмотрел на своё отражение в воде. Голова была на месте. Он понял, что не спит. Но что-то неотвязное и вездесущее не давало ему покоя... И вдруг он понял, что это было – запах жареного арахиса.

Чарли поймал себя на том, что боится. Он ускорил шаг. Лодки, плавающие в пруду, тоже стали энергичнее работать вёслами.

– Что со мной происходит? – спросил он себя. – Я же в настоящем Дауне. Здесь нет никаких собак.

И вдруг он замер как вкопанный. С той стороны пруда стояла собака. Она смотрела на него немного исподлобья, и Чарли не смог выдержать этот тяжёлый жёлтый взгляд. Он помчался прочь, пересекая аллеи и перепрыгивая через пруды, сбивая людей и непрерывно извиняясь. Наконец он очутился на улице.

Чарли отдышался. Он с трудом соображал, где находится, но открыл первую попавшуюся дверь, и ввалился туда.

– Привет, Чарли, – сказал лысый мужчина, сидящий за стойкой. – Не выпьешь со мной?

Это был Борис.

– С удовольствием, – промямлил Чарли и сел рядом с ним. Борис заказал по бутылке водки, и они решили отойти за столик.

– По какому поводу банкет? – спросил Чарли.

– Национальность обязывает, – сказал Борис. – А если серьёзно – дела у меня неважные.

– Что так?

– Да нет, ничего. Сам справлюсь. Налей по маленькой.

Чарли налил. Борис выпил залпом и понюхал рукав.

– А как Наташа? – поинтересовался Чарли.

– Рожает, – ответил Борис.

– А почему ты не с ней?

– А-а, – отмахнулся Борис, – она всегда рожает. Да ладно обо мне-то. Как твоя собака?

– Разве я тебе рассказывал? – удивился Чарли.

– Ты всем о ней рассказываешь.

– Собака ничего. Я всё думаю сходить к психиатру.

– Ха! Да что могут эти психиатры? Налей по маленькой, и я тебе сам расскажу, в чём твоя проблема.

Чарли налил. Они выпили.

– Тебя в детстве собака кусала?

Чарли пожал плечами:

– Не припомню что-то.

– А боялся их когда-нибудь?

– Нет. У меня была собака.

– Какой породы?

– Боксёр.

– Терпеть не могу. М-да. А ты с ней, случаем, не трахался?

– Нет. Я вообще ни с кем не трахался.

– Ну, вот тебе и ответ, – красная рожа Бориса расплылась в широкой улыбке. – А то сидит мне тут, мозги полощет. Налей лучше по маленькой.

– Может, ты и прав... – пробормотал Чарли, наливая. Он всё думал, не сказать ли Борису о том, что собака уже в этом городе, что она уже не сон...

– Эх, – сказал Пушкин, вытирая слюну с подбородка. – А я опять на своей доброте попался. Помнишь, как я два года назад занялся производством часов?

– Не очень, – признался Чарли.

– Ну, в то время был у меня свой бизнес – собирал на свалках одежду и отправлял мешками в Восточную Европу. «Секонд Хэнд» называется. Деньги, в общем, у меня водились. И вдруг заваливает ко мне один волосатик – то ли панк, то ли хиппи. Я в них плохо разбираюсь. Говорит, есть стоящее дело. Рассказал мне о том, что люди ностальгируют по механическим часам.

– А чего там ностальгировать? – удивился Чарли. – Купи да носи.

– Нет, это уже несовременно. Все-таки, как ни крути – электроника возьмёт своё. Короче, он предложил сделать электронные часы, которые тикают. И чтобы их нужно было заводить. Честно говоря, он меня убедил. Я выделил на это дело деньги. И, надо сказать, парень не подкачал – действительно, выпустил небольшую партию часов. Неплохие часики, в стиле ретро – браслет позолоченный, корпус круглый. Даже кукушка выпрыгивала каждый час.

– Ну?

– Не покупали почему-то. Так что налей по маленькой.

Борис заглотил очередную рюмку и продолжил:

– И в семьдесят восьмом я прогорел по доброте душевной, и в восемьдесят третьем... В общем, не моя стихия бизнес, это факт. А вчера вообще по-дурацки вышло... Ты же знаешь, я открыл кинотеатр?

– Знаю.

– Показываю детские фильмы, мультики всякие. Народу не очень много – все же окраина. Ну и в качестве рекламы закупил всяких сувениров – маек, кепок с мультяшками. Объявил, что каждый может унести с собой из кинотеатра что угодно. Короче, ни стульев, ни штор, ни кинопроекторов. Налей ещё немножко.

– А больше же нет ничего.

– Сейчас, – Борис сходил к стойке и вернулся с ещё одной парой бутылок водки.

– Знаешь, – сказал он. – Я не жалею. Я ведь страдаю за то, что я человек хороший. А вот взять, скажем, конгрессмена какого-нибудь – и дурак, и совесть нечиста. Ты как думаешь?

– Не знаю. Я всё больше по ветеринарной части. У тебя есть ружье?

– Нет. Только "Калашников".

– Одолжи на пару дней.

– Ну, если ты нальёшь по маленькой... А у тебя нет денег? Я бы купил проектор.

– Совсем чуть-чуть. Я в прошлом месяце купил машину и разбил по ошибке. На, держи.

– Да, маловато. Ничего, жене конфет куплю. И ты держи.

– Что это?

– АКСУ – автомат Калашникова складной укороченный. Всегда с собой ношу, под штатной.

– Спасибо, – сказал Чарли. – Я сейчас вернусь.

– О'кей. Я ещё посижу.

Чарли, как ему показалось, вполне твёрдой походкой покинул бар и отправился к парку. Проходя мимо Даймонд Стик, обратил внимание на толпу народа и несколько телевизионных вертолётов. На здании была натянута тряпочка с логотипом "Пепси". Неподалёку группа граждан под пение "Интернационала" сжигала американский флаг.

– Не понимаю, – проворчал Чарли. – Зачем нормальной фирме спонсировать идиотов? Ну ладно – Джексон или "Спайс Гёلز", ну, Кроуфорд ещё туда-сюда, но какой-то Малахай...

Он опять врезался головой в памятник. Да сколько их было, этих героев гражданской войны? Чарли вышел к пруду и увидел собаку. Она стояла на том же месте, в той же позе. Чарли даже на мгновение показалось, что и она – всего лишь памятник, но ветер снова донёс до него характерный запах... Собака сорвалась с места и помчалась к нему. Чарли дал длинную очередь и опрокинулся на спину – недооценил отдачу. Собака уже прыгнула на него, когда Чарли нажал на спусковой крючок ещё раз и подстрелил её в полёте.

Его осыпало грудой шестерёнок и микросхем.

Когда Чарли встал, его окружили люди в черных костюмах.

– Вы Чарли Зайцман?

– Я имею право молчать? – уточнил Чарли.

– Нет, – ответили ему. – Мы проводим месячник борьбы с преступностью. Но всё, что вы скажете, будет обращено против вас.

– Я Зайцман, – согласился Чарли.

– На вас подал иск о порче имущества господин Аристидис. Поскольку вы применили боевое оружие, вас будут судить по законам военного времени.

Тут же откуда-то понатаскали столов и стульев, расселись и организовали суд. Судьёй оказалась робкая светловолосая девушка в очках.

– Садитесь, пожалуйста, – сказала она. – Суд идёт. Меня зовут Рейчел. Я заранее прошу принять мои извинения за возможные юридические ошибки, поскольку я не юрист, я только учусь. На филологическом.

- Очень приятно, – сказал Чарли.
- Подсудимый, я доведу до вашего сведения, что господин Самуил Аристидис подал на вас иск в суд в связи с уничтожением его механической собаки.
- А могу я попросить адвоката? – спросил Чарли.
- Я думаю, он не успеет подъехать до окончания суда.
- В таком случае, вопросов у меня больше нет, – сказал Чарли и сел на место.
- Суд вызывает свидетеля – Амина Аль-Мубака.
- К столу судьи подошёл толстый араб с чёрной бородой и чемоданчиком.
- Итак, – сказала Рейчел. – Признаёте ли вы свою вину?
- Признаю, – сказал араб.
- Простите, я перепутала тексты. Расскажите, что вы видели.
- Мы с моими ребятами как раз устанавливали взрывное устройство вон в том большом универмаге. И тут появился этот психопат, в явном подпитии, и задушил бедную кошечку.
- Спасибо, вы свободны. Мистер Зайцман, что вы можете сказать в своё оправдание?
- Это была собака.
- Вокруг много собак, мистер Зайцман. Что-нибудь ещё?
- Она наводила страх на всю округу. А тут ведь ходят люди, и вообще много кто ходит...
- Минуточку. Вопрос к представителю мистера Аристидиса. Действительно ли собака являлась общественно опасной?
- Один из людей в чёрном вышел вперёд и протянул судье бумагу.
- Вот справка от производителя собаки. Данное изделие является абсолютно безопасной детской игрушкой. Собака не содержит красителей и консервантов и подлежит многократной переработке с использованием экологически чистых технологий.
- Спасибо, мистер Дайвер. Мистер Зайцман, вы можете что-нибудь к этому добавить?
- Да, – сказал Чарли. – Это была очень большая собака, и она на меня набросилась.
- Мистер Дайвер?
- Представитель Аристидиса подал судье ещё два документа.
- Это справка от производителя собаки о том, что в её программе не заложено никаких агрессивных действий. Она запрограммирована на то, чтобы играть. Видимо, это она и попыталась сделать. А это справка от ветеринара о том, что рост собаки в холке составляет двадцать пять сантиметров.
- Что вы можете сказать теперь, мистер Зайцман?
- Простите... – Чарли выглядел очень растерянным. – Я не знал, что она такая маленькая. Здесь что-то не так. Я выстрелил, потому что испугался. Мне кажется, это была не та собака.
- Рейчел встала, произнесла: "Суд удаляется на совещание", и села обратно, обхватив руками голову. Через несколько минут она вышла из транса и сказала:
- Суд принял во внимание, что мистер Зайцман не имел личных претензий к господину Аристидису и каких-либо мотивов совершать происшедшее. Также учитывая, что собака напугала мистера Зайцмана, а собака мистера Аристидиса никого напугать не могла, суд постановляет считать мистера Зайцмана невиновным ныне и присно и вовеки веков. Аминь.
- Простите, мисс, – неуверенно произнес представитель Аристидиса. – Но ведь он убил собаку...
- Вы не поняли, – радостно произнесла Рейчел. – Это ведь была не та собака.
- А! – Дайвер хлопнул себя по лбу. – Действительно, не та собака.
- Перед столом судьи внезапно возник Амин Аль-Мубак.
- Я хочу сделать заявление.
- Да, – сказала Рейчел. – Я слушаю вас.

– Наша организация решила взять на себя ответственность за совершение покушения на данную собаку и на всех американских собак и свиней. И пусть весь мир знает, что так будет продолжаться до тех пор, пока в ваших тюрьмах гниют наши братья и сестры.

– Спасибо, – сказала Рейчел. – Суд примет во внимание ваше заявление. Все свободны.

Чарли молча побрёл в сторону бара. Проходя мимо Даймонд Стик, он оказался затёрт в толпу, и никак не мог выбраться наружу.

– Черт побери, – бормотал он. – Да что здесь происходит?

Наконец он оказался прижат к металлическому ограждению, окружённому полицией. Чарли огляделся и понял, что все смотрят вверх. Где-то на самой верхушке небоскрёба виднелась маленькая белая точка.

– Неужто собака? – пробормотал Чарли. И тут точка отделилась от здания и полетела вниз. Чарли понял, что это Резиновый Соломон Малахай. Он стремительно падал до тех пор, пока не долетел до плиты и с громким шлепком разлетелся в брызги. Толпа ахнула. Чарли вытер с кончика носа каплю мозгов Малахая и пробормотал:

– Мало "Пепси" выпил, болезный.

А потом стал продираться сквозь толпу, которая начала двигаться причудливым образом – некоторые в азарте вперёд, некоторые с визгом назад.

Наконец Чарли вынесло к бару. Борис сидел на том же месте. Под столом стоял рядок пустых бутылок. Чарли подсел за столик.

– Что-то я протрезвел, – сказал он. – Налей-ка мне немного.

Борис налил.

– Так и сидишь? – спросил Чарли, выпив.

– Нет, – ответил Борис. – Купил жене конфет и цветов, понёс в роддом. По дороге встретил пацана с бобиной плёнки.

Дал ему конфетку, а плёнку взял. Иду мимо своего кинотеатра – стоит очередь. Меняют запчасти от кинотеатра на конфеты. Так что завтра приходи на сеанс.

– А что будешь показывать?

– Копуок Gorbunok. Не смотрел? Зашибательский фильм.

– А что такое Копуок Gorbunok?

– Ну как тебе сказать... Маленькая горбатая кобыла.

– Хорошо, приду. Я люблю лошадей. А как твоя жена?

– Не знаю. Не дошёл. Знаешь, что?

– Что?

– Я предлагаю выпить за женщин.

– Это правильно. Куда мы без них? – Чарли вспомнил судью Рейчел, и его душа наполнилась вселенским спокойствием за свою судьбу.

И они выпили.

Они долго ещё сидели так. За окнами воцарилась ночь. Но свет огней был ярким, и ночь совсем не казалась мрачной или страшной. Даун – большой город. Он никогда не спит весь, целиком.

А Чарли думал о том, что "Пепси" – упрямая штука. На том месте, где разбился Малахай, наверно, ещё долго будут пытаться удалить с бетона пятно. Будут покрывать сверху слоями бетона. Но оно всё равно проступит, бурое, сладкое и липкое. И Чарли не удивился бы, если бы на будущий год Соломон Малахай снова стал прыгать с небоскрёба.

... Чарли пришёл домой поздно. Сел в кресло. Включил телевизор. Транслировали 40-ю симфонию Моцарта в исполнении Даунского оркестра ветеранов гражданской войны. Чарли сначала пытался слушать, но потом почувствовал, что дремлет. Уже в полузабытьи он силился понять, чем пахнет. Неужто арахисом?

Нет, похоже, где-то жарили попкорн.

Всю ночь напролет за Чарли гонялся огромный и уродливый Копуок Gorbunok.

1997

Лесной доктор

Я – человек средний. Я часто задумывался, есть ли у меня исключительные способности, которые могут принести обществу пользу, а мне – средства к безбедному существованию. Долгое время единственным выводом из всех моих рассуждений было убеждение в том, что я вполне могу работать квалифицированным подметателем бетонизированно-уличных тротуаров или, в крайнем случае, преподавателем химии.

Но вчерашний день ознаменовал собой новый поворот в привычном течении мыслей. Всё получилось случайно: в комнате было душно; кроме того, я не знал, что делать; пришлось открыть окно и начать сосредоточенное разглядывание прохожих.

После двадцатипятичасовых наблюдений, прерываемых сном, приёмами пищи и тяготами бракоразводного процесса с моей женой (теперь, к счастью, уже бывшей) я понял – я вполне могу кое-что дать тем людям, что находятся внизу.

Короче говоря: в пятницу, 2-го апреля 1992 года по Гринвичу все рекламные газеты города со славным именем Москва опубликовали объявление:

"Человек с богатым жизненным опытом и высшим образованием (инженерно-строительный институт) даёт психологические консультации людям с различными неудобствами в повседневной жизни. Адрес:" – ну, а дальше шёл адрес квартиры, которая пользовала меня последние девятнадцать с четвертью лет.

Газеты появились в киосках утром, около девяти часов. В 10.15 в дверь моей квартиры позвонили.

Посетитель #1.

– Здравствуйте. Я не знаю, туда ли попал, – он выглядел солидно, даже очень: квадратная челюсть, чёрный костюм и широкий, во всю грудь, галстук.

– Вы пришли по объявлению? – уточнил я.

– Наверно, я пришёл зря, – сказал он, подошёл к столу и сел на левый стул.

Я переставил телефон с пола на край стола и придвинул к посетителю графин:

– Если нужно, пейте. По вашему измождённому лицу и изгрызенным ногтям я догадываюсь, что вас мучает какая-то непреодолимая трудность. Говорите – возможно, я смогу вам помочь.

– Я биолог, – сказал человек, внимательно меня выслушав, и стал ждать моей ответной реакции.

– Говорите-говорите, – сказал я. – Я постараюсь помочь представителю любой профессии. Даже биологу.

– Дайте мне книгу, – потребовал он. Я подсунул ему "Любовные похождения Бовы Королевича в Турции и других странах Мексики".

Он закрыл глаза и сосредоточился.

– Видите ли, – пробормотал он, – с некоторых пор я испытываю неудобства при чтении книг. Точнее, я вообще не могу их читать.

Он резко выдохнул и схватился за переплёт:

– Смотрите внимательно: я беру книгу. Я открываю книгу, – он надулся и покраснел, – а она... и не открывается. – Вот видите, – он отбросил книгу в сторону и открыл глаза, – не получилось.

– Повернитесь лицом к свету! – скомандовал я.

Он оскалил зубы и вывернул зрачки в сторону окна.

– Вы производите впечатление интеллигентного человека, – сказал я и помахал листочком бумаги перед его носом. Он чихнул, – но является ли чтение книг для вас жизненной необходимостью?

– Кхм! – возмущённо воскликнул Биолог. – Я не знаю, что вам сказать. Дело в том, что я читаю лекции для студентов, и по роду моих занятий мне нужно иногда заглядывать в книги. Неужели, доктор, все так безнадежно?

– Нет, почему же, – сказал я. – Надежда есть. Понимаете ли, дело тут вовсе не в недостатке вашего интеллектуального развития или физиологических особенностях организма. Просто у вас немножко хуже, чем у других людей, моторная память. Я заметил, что вы, когда ходите, боитесь потерять равновесие и каждый раз, прежде чем наступить, щупаете пол носком ботинка. Так ведь?

– Да. Вы правы, доктор, – сказал Биолог. – Я не помню, как нужно передвигать ноги при ходьбе, чтобы не упасть. Что же мне делать?

– Ну-ка, давайте сделаем простое упражнение, – сказал я. – Выставьте вперед указательный палец левой руки.

Он выставил.

– Повернитесь вправо.

Он повернулся.

– Достаньте этим пальцем вон до того гвоздя в полу.

Он достал.

– Отлично, – восхитился я, – а теперь вернитесь в исходное положение, закройте глаза и попытайтесь повторить свои действия.

– У меня не получится, – вздохнул он.

– А вы всё-таки попробуйте.

Он воздел зрачки к небу, мысленно прощаясь с подлунным миром, тщательно перекрестился и закрыл глаза. Я был абсолютно уверен, что в гвоздь пальцем он не попадёт. Этого действительно не произошло, но отсутствие моторной памяти у Биолога было, по-видимому, полным и безоговорочным.

Во-первых, он проделал все вышеописанные манипуляции не с левой рукой, а с правой. Во-вторых, он вообще забыл выставить вперед какой-либо палец, и его рука осталась сжатой в кулак. И в-третьих: вместо тривиальной траектории "воздух-пол" его кулак описал нечто более замысловатое: "воздух-графин-моё левое ухо".

– М-да, – пробормотал я, прыгая на левой ножке и выливая из уха воду вместе с осколками графина, – в фантазии вам не откажешь. Что же, я согласен вам помочь. Возьмите снова в руки эту книгу.

Он выразил своё неудовольствие фразой типа "Рад стараться" или "А мощный мужик был Бова Королевич", но всё-таки повиновался.

– Раньше вы часто читали книги? – поинтересовался я.

– Да, разумеется, – он поправил пиджак. – Практически каждый год.

– И вы, конечно же, не помните, как вы прежде располагали перед собой книгу, чтобы её открыть?

– Конечно, не помню, – улыбнулся он, и я подумал, что он не такой уж весёлый человек, каким показался в начале.

– Должен заметить, что сейчас вы расположили книгу неправильно, – сказал я. – Корешок у вас справа, а нужно... Впрочем, вы всё равно ничего не запомните. В вашем случае может быть полезен "метод вторых ворот".

– В одни ворота входят, в другие выходят? – уточнил он и погладил себя по головке. – Это мы знаем.

– Нет, – ответил я. – Просто речь- это ваши "вторые ворота" после моторной памяти. Если вы хотите что-то запомнить, запоминайте не собственно действия, а слова, их обозначающие, и при этом произносите их вслух. Понятно?

Он два раза кивнул головой из стороны в сторону.

– А теперь поверните книгу первой страницей к себе и корешком влево.

Он повернул.

– Открывайте её за правый край крышки.

Он проделал и это и с удивлением обнаружил, что книга в его руках открывается.

– Доктор! – воскликнул он. – Это же чудо! Я думал, что мне более никогда не придётся лицезреть номера страниц в книге, а сейчас – смотрите: три, пять, семь...

На четвёртом десятке я его остановил:

– Попробуйте закрыть книгу и повторить то же самое.

Он настороженно посмотрел на меня – видимо, боялся обмана с моей стороны.

– А я смогу её ещё раз открыть?

– Да, конечно, – ответил я. – Только прежде, чем её открывать, произнесите вслух те команды, которые я вам давал.

– Так... – он наморщил лоб. – Надо взять книгу так, чтобы надписи были сверху, а корешок слева. То есть вот таким образом. Угу. А теперь потянуть за правый край переплёта. Угу. Ой! Она открывается!

– Вот видите, – сказал я. – Дома потренируетесь ещё. Только обязательно громко произносите, что собираетесь делать – это помогает.

– Конечно, – кивнул он, – я на всю аудиторию кричать буду – лишь бы не оставить себя без этого удовольствия... Вы мне так помогли, доктор! Сколько я вам должен?

Когда он ушёл, я взял с полки тетрадь и подумал, что неплохо бы записывать в неё что-то вроде истории болезни каждого из посетителей.

Я привычно попытался отвернуть обложку в сторону и вдруг заметил, что просто раздираю корешок.

– Чёрт побери, – сказал я, – у меня же это только что получалось!

Я повесил на дверь табличку "Закрыто" и двое суток пытался вспомнить алгоритм открывания книг. Безрезультатно.

"Что ж, – подумал я, – в конце концов, не такой уж полезный навык. Переживём".

Посетитель #2 / 5 апреля, 9.30 /.

Это было лёгкое и невинное создание с пронзительно синими глазами. Оно впорхнуло в кабинет, вдруг смутилось и робко подошло ко мне.

– Садитесь, – сказал я и заметил на её щеках нездоровый румянец – наверно, искусственный. Я послунял палец и провёл им по её лицу. Румяна размазались.

– Что это... вы? – удивлённо спросила она.

– Ничего, – ответил я. – Так, проверил одну свою догадку. Я слушаю. Какие у вас проблемы?

– Проблем-то никаких, – ответила девушка. – Я просто хочу кое-что узнать.

– Я готов ответить на любой ваш вопрос, – сказал я.

– У меня есть одна такая... привычка, – начала она, сделав грациозный жест рукой. – Мне кажется, это не совсем нормально. Моя подруга, студентка биофака, порекомендовала мне вас. Видите ли, я учусь на отделении математики и очень люблю оперировать с числами.

– Кого оперировать? – переспросил я.

– Да, – ответила Студентка. – И когда я иду или сижу или стою, а бывает, ещё и лежу, или, может быть, плыву – неважно, лицом вниз или вверх, главное, чтоб была вода, солнце, пальмы... А вы были когда-нибудь в Ялте?

– Не был, – ответил я. – И что же вы делаете во всех этих положениях?

– Ну, многое, – она задумалась. – Бывает, что я сплю... Бывает, что я читаю или на спицах вяжу. А вы не вяжете на спицах?

– Нет, – ответил я. – Но давайте перейдём к делу.

– Чего это вы? – удивлённо спросила она.

Я отдёргнул руку от её юбки и пробормотал:

– Так... ещё одна глупая мысль.

– Ну да, – сказала она, – я вспомнила. Так бы я, конечно, не пришла, но эта привычка очень раздражает мою подругу – она ведь с биофака.

– И что же это за привычка? – спросил я, попробовав на зуб её браслет.

– Я очень люблю считать, – медленно и тягуче заговорила она. – Иногда я считаю железнодорожные вагоны, если вижу, что идёт поезд, или лампы на потолке...

– Так, – я начал кое-что понимать. – И если вы попадаете в новую обстановку, вы пересчитываете в ней все заметные предметы?

– Ага, – сказала она. – Вот теперь я и вас сосчитала.

Я постучал пальцами по её груди:

– Я знаю, в чём дело. Вы слишком верите в математику. Это неправильно. Не делайте из неё абсолюта. Будьте более диалектичны. Вот, например, сколько в этой комнате углов?

– Четыре, – убеждённо сказала она и отняла у меня свою сумочку, которой я собирался прихлопнуть таракана.

– Не будьте так уверены, – сказал я. – Предположите, что их не четыре. Если вы допустите, что их больше или меньше, то их количество станет вам просто безразлично.

– Но как же? – спросила она. – Ведь я точно знаю, что их четыре. Разве нет?

– Вы ошибаетесь, – сказал я. – Возможно, их и больше. Давайте встанем.

Мы встали.

– Посмотрите вон на тот угол. Считайте – раз. Повернитесь на 90 градусов. ещё один угол, не правда ли?

– Да, – согласилась она, – два угла. Но там и ещё есть, я помню.

– Правильно, – я повернул её ещё. – Вот это угол номер три. Повернитесь. Это – четвёртый. Так. Если вы теперь повернётесь снова, то увидите угол, следующий после четвёртого – то есть пятый.

– Но их же было четыре, – припомнила Студентка.

– Как четыре? – удивился я. – Мы четыре уже пересчитали. Это – пятый.

– Ой, да, что это я? – пробормотала она и начала считать дальше:

– Шесть, семь... Ой, а восьмой какой красивый... Девять...

Я водил её по кругу, следя, чтобы она не спотыкалась, и помогал отыскивать следующий угол. Через пару тысяч углов мне это здорово надоело.

– Между прочим, – сказал я, – у этого дома снаружи углов ещё больше. Вы не хотите пересчитать?

– Да, – сказала она, – но ведь для этого надо выйти, а дверь осталась между первыми двумя углами.

– Вы думаете, что в этой комнате одна дверь? – улыбнулся я. – Вон, видите, после угла номер две тысячи сорок семь ещё один прекрасный выход.

– Вижу, – сказала она и вдруг вцепилась мне в руку: – Ой. А вдруг там тигры?

– Там нет никаких тигров, – ответил я.

Она вздохнула и направилась к двери.

Я постучал молоточком:

– Вы бюстгальтер на столе забыли!

– Спасибо, – сказала она, сунув его под каску, и ушла.

Потом я не раз её встречал около нашего дома с микрокалькулятором в руках. Взгляд её блуждал, а губы чуть шевелились, и, если подойти поближе, можно было разобрать:

– Девять миллиардов шестьсот сорок три миллиона двадцать тысяч семьсот шестьдесят один угол... Девять миллиардов ... – и так далее.

Кстати, она мне очень понравилась, и когда мне совсем нечего делать, я начинаю считать крокодилов на потолке. Но обычно кончаю на первом же десятке, чтобы не стало слишком страшно.

...Посетитель #17 / 6 апреля, 20.43 /.

Он был так похож на бездомную собаку, что его хотелось укусить за нос. Я сразу его спросил, что ему от меня нужно, а он, сволочь, попытался вывернуться:

– Мне и моя жена говорит, что я очень доверчивый. Мне скажут – я и делаю. Как же я могу отказать человеку, когда знаю, что могу ему навредить, если не сделаю? Вот я и делаю, что просят.

– Ма-алчать! – крикнул я. – Режьте себе палец.

Он вздохнул и отрезал.

– Ну зачем вы это сделали?! – вскричал я. – Вы что, не понимаете, что без пальца вам будет хуже?

– Понимаю, – сказал он, – но вдруг вам очень нужен мой палец?

– Мне не нужны ваши пальцы! – сказал я. – Режьте следующий.

Он отрезал и обиженно заморгал глазами:

– Ну как же, доктор... Я же Скрипач, я же без пальцев никто... Ну как же вы, доктор...

– Так зачем же вы их режете? – не понял я.

– Ну вам же лучше знать, что мне делать, – оправдывался он. – Вы же доктор...

Короче, я смог его убедить только после того, как на столе была свалена кучка из пятидесяти одного окровавленного пальца.

Когда он ушёл, я приставил назад те пальцы, которые идентифицировал как свои, и подумал, что мне пора бы отдохнуть.

Те немногие пациенты, которых я уже принял, платили мне щедро, не жалея ничего из своего имущества. Бизнесмен с проблемами в желудке, например, подарил мне всё своё состояние, когда я убедил его уйти в монастырь. Я уже купил себе виллу, тройку лошадей, бричку, несколько кубиков Рубика и даже электрическую розетку для голубой двухштырьковой вилки.

...

Посетитель #760 / какое-то июня, 9.99 утра /.

Он вошёл и с улыбкой посмотрел на меня.

– Что-новый хозяин-надо? – спросил я, спустив ноги со стола.

– Как вам сказать... – он снова осклабился. – Я зашёл, чтобы просто обменяться опытом. Я – психиатр, и много слышал о ваших успехах в этой области. Больные валят к вам валом... Впрочем, я кое-что уже понял, взглянув на ваши ноги.

– А что ноги? – удивился я. – Я просто кроссовки наизнанку надел.

– Вот-вот, – сказал он. – Я дам вам хороший совет. Если работаете с больными – неважно, психозы это или просто неофашизм – надевайте хотя бы марлевую повязку. Всё это такая зараза...

И он растворился в воздухе.

Посетитель #761.

Когда она вошла, я испугался. Впрочем, я сообразил почти сразу, что она меня вряд ли узнает в защитном костюме, крагах и противогазе.

– Здесь раньше жил мой муж, – сказала она. – Вернее, бывший муж. Вы не знаете, куда он переехал?

У меня задрожали руки.

– Случайно знаю, – прошептал я. – Он купил виллу за городом.

– Интересно, на какие деньги, – горько усмехнулась она. – А вы – доктор? От чего вы лечите?

– Я лесной доктор, – сухо ответил я. – Мне кажется, вы чем-то расстроены. И кажется, я могу вам помочь.

– Вряд ли, – сказала она. – Мне теперь даже небо кажется чёрным. И дома качаются от ветра...

– Да посмотрите в окно! – закричал я. – Вдохните воздух!

– Он пахнет только дымом, – возразила она.

– Нет, – сказал я. – Он пахнет рекой и лесом. И небо на самом деле жёлтое. Ну кто вам сказал, что этот цвет – чёрный? Называйте, как хотите.

Она чуть улыбнулась.

– А дома... Почему они качаются?

– Они же растут, – сказал я. – Но скоро они станут большими и окрепнут. И всё вокруг станет яркого солнечного цвета – такого, как у крон деревьев, у этого неба, у воды, у сияния звёзд... Вы верите мне?

– Да, – сказала она. – Я вижу. И верю. Но всё же – дайте мне, пожалуйста, адрес моего мужа.

Я продиктовал ей адрес своей виллы.

...

Вечером, когда мы с женой уже поужинали и о многом поговорили, она вдруг спросила меня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.